

18+

Deutscher
Fernpost

Надежда Райн

Мам,
где меня
нет

Надежда Флайг
Там, где меня нет

«Издательские решения»

Флайг Н.

Там, где меня нет / Н. Флайг — «Издательские решения»,

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Крепкий многолетний брак, взрослые дети, уютный дом — жизнь Эллы идеальна. Во всяком случае, она пытается убедить себя в этом. Но день за днем ощущает внутри растущий ком раздражения, невысказанных обид и сожалений о неслучившемся. Знакомство с начинающим музыкантом Леоном обрушивает на нее лавину забытых чувств и позволяет наконец познакомиться с собой настоящей. Но достаточно ли этого для того, чтобы разрушить упорядоченную жизнь и начать все с чистого листа? Сможет ли Элла сделать выбор?

© Флайг Н.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	13
Глава 4	18
Глава 5	21
Глава 6	24
Глава 7	26
Глава 8	31
Глава 9	34
Глава 10	38
Глава 11	44
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Там, где меня нет

Надежда Флайг

Где-то в провинциальной Германии

© Надежда Флайг, 2026

ISBN 978-5-0070-0631-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

— Брокколи, куриная грудка, индейка, брюссельская капуста — терпеть не могу, овсянка — тоже не мое... Нужно будет еще к фермерам заехать, взять у них свежих яиц, сметаны... Дети... дети вряд ли захотят то же, что отец. Их уже не уговорить... Ладно.

Элла планировала меню на оставшуюся половину недели, сидя на высоком стуле на кухне.

«И побольше овощей», — напомнил голос Антона.

— Да, конечно, — пробормотала она, — все правильно.

В прошлом году мужу исполнилось пятьдесят. И он заметил, что начал толстеть. Каждая выпитая вечером бутылка пива или бокал вина к ужину в выходной теперь откладывались на животе. Размер М сменился на L. И, если ничего не предпринимать, грозил перерасти в XL. «В спортзал мне ходить некогда, сама знаешь, — оправдывался Антон. — Значит, буду корректировать питанием». Элла понимающе кивала и говорила: «Конечно. Если хочешь, могу из солидарности с тобой перейти на диетическое питание». — «Не надо, я не хочу, чтобы ты худела. Готовь так, чтобы не толстел я».

Поэтому приходилось придумывать что-то легкое, полезное и чтобы нравилось всем в семье. Или готовить раздельно: Антону и детям. Элле не трудно. Она же дома. В конце концов, борьба с весом — это борьба за здоровье.

Открыв холодильник, она пригляделась к одной из упаковок на верхней полке, ахнула про себя. Покрутила головой, словно проверяя, не видит ли кто-то еще.

— О господи, как же я раньше не заметила, — прошептала испуганно, выбрасывая начинающий зеленеть сыр.

* * *

Элла автоматически загружала продукты в тележку. Продавщица мясного отдела, увидев ее, заулыбалась.

— Ваш любимый салат только что привезли.

— Отлично. Тогда как обычно, пожалуйста.

— Лосось брать сегодня будете?

— Н-нет, — с запинкой ответила Элла, — сегодня четверг. Завтра.

Почувствовала неловкость, которую испытывала всякий раз, когда была вынуждена отказать или поправить. Рыбу она покупает по средам и пятницам. Не обязана продавец это помнить, она уже молодец — знает предпочтения постоянного клиента.

— Хорошего дня!

— Да. И вам, — пробормотала Элла, нащупывая в кармане легкого пальто телефон.

Взглянула на экран. Джули. Поморщилась. А звонить-то зачем? Убрала телефон обратно, пошла к напиткам, злясь на долго играющую музыку в кармане и на Джули.

«Наконец-то», — выдохнула про себя, когда телефон замолчал. Тренькнул сигнал ватсапа. «Да что ж ей неймется», — подумала Элла, открывая сообщение.

Привет, дорогая! На следующей неделе буду в ваших краях. Давай выпьем вместе кофе. Высвобождай в своем перегруженном событиями графике время и пиши, когда сможешь. У меня суперновость!

«Ну не может не уколоть, — поддалась Элла поднимающемуся раздражению. — Не буду отвечать».

Она сердито смотрела на бутылки вина. Вернее, в зияющую дыру на полке, где обычно стоит любимое вино Антона. Фыркнув, развернулась и направилась обратно в мясной отдел.

— Все-таки возьму лосось, — сказала продавщице.

— Вам в термоупаковку? Или вы сегодня готовить будете?

— Сегодня.

Как обычно, на кассе за Эллоу выстроилась очередь. Она торопливо складывала покупки, радуясь необходимости спешить: так можно было не вступать в ничего не значащий разговор с кассиршей — матерью одной из бывших одноклассниц Ким. Все эти дежурные фразы о том, как выросли дети и как летит время, утомляли и нагоняли на нее тоску.

Элла загрузила сумки в багажник. Сев за руль, бросила телефон на пассажирское сиденье. «Может, мне показалось? И не хотела она меня задеть... Чего я к словам цепляюсь? Добрее надо быть, Элла». Взяла телефон и быстро набрала:

В среду после обеда. Напиши где.

Она ехала мимо белых домиков с милыми палисадниками, в которых начинала желтеть форзиция и расцветали розовым какие-то кустарники. Добросовестные хозяйки уже выставили на крыльцо зайцев и барашков, на деревьях развесили пасхальные яйца. Элла разглядывала чужое оформление к празднику, чтобы взять какую-нибудь интересную идею для себя. Но на самом деле хотела отвлечься и избавиться от неприятного осадка, который вызвало сообщение Джули. Подъехав к дому, увидела во дворе машину сына и еще какую-то незнакомую, с номерами другого региона. Сморщилась: «Опять кого-то в дом притащил».

Утихшее было недовольство принялось разрастаться с новой силой. Элла занесла сумки на кухню. Бросила на себя взгляд в зеркало в прихожей, придала лицу приветливое выражение и прошла в комнату сына поздороваться с его гостями. Гостей было трое. Двое из группы Кристиана и незнакомый темноволосый парень. С ее любимой кружкой, из которой Элла по утрам пьет кофе, а по вечерам зеленый чай. Кружка стоит отдельно от всех остальных. Специально. Чтобы. Ее. Никто. Не брал.

Вежливая улыбка сползла с лица, и она уставилась на свою кружку. Потом ответила на приветствия и перевела красноречивый взгляд на сына.

— Это Леон, — представил он незнакомца. — Мы уговариваем его заменить на время Феликса.

— Уговорили?

— Ломается, — ухмыльнулся Кристиан.

Элла поманила его. Они вместе вышли в коридор, и она, закрыв за ним дверь в комнату, понизив голос, сказала:

— Во-первых, открой окно, в комнате дышать нечем. Во-вторых, мог бы предупредить, что ты сегодня раньше закончишь и приведешь своих приятелей. В-третьих, почему у него моя кружка?!

Кристиан пожал плечами.

— У него горло болит, он притащил какой-то порошок, чтобы заварить.

— И в шкафу была только моя чашка? — агрессивно поинтересовалась Элла.

— Мать, ты чего? — удивился Кристиан.

— Окно открой, — прошипела в ответ, — чтоб бактерии в комнате не скапливались, у него горло болит.

Спустя какое-то время, когда она возилась на кухне, услышала, как сын с приятелями вышли из его комнаты и спустились на первый этаж.

— Мы уходим, — сказал Кристиан.

— Когда вернешься?

— Не знаю.

Парни обувались, заполонив собой прихожую. Элла наблюдала за ними, изображая дружелюбие. Леон подошел к ней и протянул кружку. Она ощутила аромат его парфюма и внутренне улыбнулась. Этот мужской запах был в моде в конце девяностых годов, когда она училась

в театральной школе. Но тут же одернула себя: «Ну нет, мое первое впечатление о тебе уже сложилось, и менять я его не собираюсь».

Он обулся и, уходя, как-то странно посмотрел на нее. «Слышал, наверное, как я Крису выговаривала», — подумала Элла. Его взгляд показался ей смутно знакомым. Но она тут же отмахнулась от навязчивой мысли попытаться вспомнить, кого он ей напоминает.

Услышала звук уезжающих машин, виновато подумала про себя: из-за чего завелась-то? Из-за кружки, которую сын дал первому встречному? И этот встречный из-за сына теперь персон нон грата?

Покрутила в руках кружку. Поставила в посудомоечную машину. Для надежности. Раз у него горло. Пусть моется на высоких температурах. Некогда ей болеть. Хотя... если заболеть, то можно не встречаться с Джули.

«Господи, что за жизнь я себе выбрала?! Когда самое яркое впечатление дня — это сообщение от бывшей однокурсницы». Пытаясь подавить поднимающуюся суеверную тревогу, Элла привычно затараторила про себя: «Нет-нет, я счастлива. Счастлива, счастлива, счастлива. У меня замечательный муж, чудесные дети, прекрасный дом, сад. Я живу за каменной стеной, — скороговоркой перечисляла она. — Нет, „живу за стеной“ как-то не так звучит. Ах да, за мужем как за каменной стеной. За стеной... как за стеной». Вслух торжественно добавила:

— Я проживаю лучший из возможных вариантов своей жизни.

«Аминь», — чуть слышно хихикнуло внутри.

Она промыла куски лосося под холодной водой, аккуратно выложила на бумажные полотенца. Ласково промокнула оранжевое с прожилками мясо от капель воды. Подошла к плите, провела рукой над сковородой-гриль; ощутив нужное тепло, уложила на нее куски филе. Приправила лосось розовым перцем, растирая в пальцах горошинки, потом крупной морской солью. Поставила на три минуты таймер в виде забавного повара в колпаке. Сняла с плиты кастрюлю с брокколи, слила кипяток и бросила соцветия в чашу с ледяной водой. Поморщилась: до чего же противный запах.

Три минуты прошли. Элла аккуратно перевернула лосось на другую сторону. Снова выставила время. Подумала про себя, что самые простые продукты вроде лосося и куриной грудки готовить сложнее всего. Передержишь на огне пару минут — и вместо сочного мяса у тебя в тарелке сухой картон, вместо филе рыбы, блестящего слезой, — крошащиеся рыбные консервы.

«Соус — что-нибудь самое простое, — решила про себя, — чтобы заглушил вкус брокколи. Хотя... Антон ест ее с удовольствием. Ким? Да, ей тоже лучше с соусом».

Достала чеддер, муку, сливки. Хлопнула входная дверь.

— Антон пришел, — тихо сказала себе под нос. — Не в духе.

Элла умела определять настроение мужа не глядя, просто по тому, как он закрывал за собой дверь и бросал ключи на столик перед зеркалом в прихожей. Свою способность улавливать эмоциональное состояние близких считала достоинством, которым тяготилась: оно заставляло ее испытывать невнятную тревогу, уж не она ли виновата в их плохом настроении.

— Привет, — буркнул муж, входя в кухню.

Помыл руки, прошел в гостиную. В ожидании ужина склонил голову над планшетом.

В начале их совместной жизни, когда Антон возвращался с работы домой таким хмурым, Элла начинала прокручивать в голове последние дни, чтобы удостовериться, что она ни в чем не провинилась, они не ссорились и даже ни о чем не спорили. Сейчас, спустя двадцать лет брака, знала: если муж возвращается домой позже обычного, неразговорчив и выглядит недовольным, значит, в фирме что-то идет не так. И все равно внутри возилось беспокойство. Хотя она и ни при чем.

Поставила на обеденный стол салатник, пошла обратно на кухню.

— Мы вдвоем? — спросил Антон, не поднимая глаз от планшета.

Элла вдруг отчетливо представила, как лет через пять, когда дети покинут их дом, они тоже вот так будут вместе ужинать. И Антон так же будет разговаривать с ней, углубившись в планшет или телефон. Или что еще к тому времени изобретут? О чем же он будет спрашивать ее? О том, как прошел ее день? Нет, это она будет спрашивать, как прошел его день. А он будет отвечать в планшет, а не ей.

— Крис на репетиции, Ким у Милены, — ставя перед ним тарелку с лососем и брокколи, ответила Элла.

— Тебе не кажется, что Кристиан слишком увлекается музыкой? — спросил Антон, оторвавшись от чтения и накладывая себе зеленый салат.

Элла, чувствуя его раздражение, как можно мягче ответила:

— Антон, оставь. Он хорошо учится. На юриста, как ты и хотел. Музыка — его хобби. Это тоже важно. Я понимаю, тебе обидно, что он не увлекся самолетами, как ты. Но это его право. А потом, ты же, наверное, помнишь, Феликс, их барабанщик, ушел из группы. У него что-то случилось, он должен уехать домой. Кажется, это связано с их семейным бизнесом.

— Да, Крис что-то говорил, — проворчал Антон.

— Сейчас они, похоже, временно нашли нового. Я только что его видела.

— Учится вместе с ними?

— Не думаю. Какой-то Леон... Что-то случилось на фирме? — осторожно спросила, выдержав паузу.

— Не хочу сейчас рассказывать об этом, — мрачно ответил муж.

— Не рассказывай, — неожиданно для самой себя равнодушно по-русски бросила Элла, взяла свою тарелку и пошла на кухню.

Антон оторвался от еды, посмотрел с сердитым недоумением; не зная языка, по интонации все понял, опустил голову и продолжил угрюмо жевать.

Глава 2

«Это еще что такое?» — ахнула Элла, меняя постельное белье на всех кроватях. Что за черт. На простыне маленькие дырочки. Придирчиво оглядела еще одну. И тут. Быть не может. Дырявые простыни. Позор какой. Она уставилась на постельные комплекты, которые казались теперь сильно линялыми и срочно требующими замены. Нищевродство какое-то. Ну нет, так не пойдет.

Нищевродство. Само слово пахнет серым жестким мешком с синим номером на боку. Элла долго его из себя выкорчевывала. Оказалось, что не экономить так же сложно, как и считать каждый цент. И этому благополучию, если ты не родился с ощущением, что не пропадешь и мир за тебя, надо учиться, как и бухгалтерии.

Элла все еще помнила, как в той, прошлой жизни, сидя вечерами перед лупоглазым телевизором, мать штопала простыни и зашивала порванные пододеяльники. «Наступит в моей жизни время, когда мне не нужно будет этого делать?» — спрашивала она и требовательно смотрела на отца. Решив, что в России оно никогда не наступит, с первой волной эмиграции русских немцев они уехали в Германию. Здесь все было, но на это все не было денег. Два чемодана на троих с вещами из дома, с бывшей родины, комнатуха в хайме¹. И мать продолжала штопать и зашивать. Лишь спустя несколько лет, обнаружив прорехи на постельном белье, она, прижав к груди то ли простыню, то ли пододеяльник, выбросила их в контейнер у дома. И даже не их собственный дом, за который выплачивать кредит еще тридцать лет, а вот этот выброшенный в прохладной темноте смятый кусок ткани стал подтверждением — они выкарабкались, выжили, прижились на новой земле. Земле предков.

«Элла, перестань охотиться за скидками. Я достаточно зарабатываю, чтобы их не ждать», — уже в самом начале совместной жизни, наблюдая, как она старается экономить, говорил Антон. У нее кружилась голова от восторга. «Не надо. Экономить не надо». Как? Почему? И главное, за что он, такой внимательный и щедрый, выбрал ее? Ведь по большому счету в ней нет ничего особенного... Ну кроме привлекательной внешности. Так и в этом никакой ее заслуги, спасибо маме с папой.

Поднявшись на второй этаж в кабинет Антона, она открыла сейф, вынула несколько еще пахнущих новым зеленым купюр по сто евро. Пересчитала и взяла еще одну. На всякий случай, чтоб точно хватило.

Любимый магазин, в котором было абсолютно все для интерьера, вытолкнул Эллу из крутящихся дверей в свое нутро и дальше уже не давал ни минуты, чтобы передохнуть от восторга. Она вертела в руках вазы, свечи, тканые салфетки, ненужные статуэтки, декоративные подушки... Поддавшись покупательской лихорадке, прикидывала, не обновить ли к Пасхе мелочи, благодаря которым создается праздничное настроение. «Стоп, — одернула себя. — Я здесь не за этим». Взглянув на часы, решила: в другой раз. Бросила прощальный взгляд на увесистые подсвечники в виде золотых яблок, потом все-таки не выдержала и воровато, словно ребенок в супермаркете, тайком от взрослых складывающий сладости в тележку, взяла два. Прошла в отдел постельного белья. Скользя глазами по ценникам, выбрала пять комплектов и пять новых простыней на резинке; воодушевленная, направилась к кассам.

За годы жизни с Антоном Элла научилась наслаждаться этим моментом — брать, что нравится, не глядя на цены. Каждый раз вспоминая сцену из какого-то американского криминального сериала девяностых годов, увидев которую она тогда же поняла: «Я хочу так жить». Героиня сериала, эдакая чрезмерно женственная штучка, подходит к своему мужу и говорит, что собирается по магазинам. Муж-мафиози спрашивает ее: «Сколько?» Героиня мило жму-

¹ Хайм (нем. Heim) — приют для беженцев. — *Здесь и далее примечания автора.*

рится и пальцами показывает толщину пачки — столько. Мафиози подходит к сейфу и достает из него пачку денег.

У Эллы все сложилось даже лучше, чем в сериале. Не пришлось выходить замуж за мафиози. И денег просить не надо, просто открываешь сейф и берешь. Первые годы после свадьбы она показывала Антону в конце недели все чеки, но потом он перестал ее контролировать.

Довольная собой, новым постельным бельем и парой кричащих о весне скатертей в придачу к золотым яблокам-подсвечникам, она шла мимо зеркальной стены, то и дело бросая взгляд на свое отражение. Солнце светило совсем по-летнему. «Надо будет зонт выставить на террасу, — подумала Элла. — Еще бы и садовую мебель принести из гаража... Стулья, ладно, они легкие, я смогу сама. Но стол... Антон, ну что на тебя нашло в прошлый раз?!»

Она снова вспомнила недавнюю нелепую ситуацию.

Дальняя знакомая порекомендовала ей в помощники сына подруги. Он бы время от времени приходил и помогал выставить, убрать садовую мебель, косил траву в их большом саду, чинил электрику и краны — в общем, делал то, что Элле не под силу и на что у Антона постоянно нет то времени, то желания.

Пришедший по рекомендации парень работал посменно на какой-то фабрике, хотел подзаработать и, скромно опустив глаза, сказал, что официально оформлять его не стоит. Он и так достаточно налогов платит из своей зарплаты. Всех все устроило. Его — оплата и работа, Элле — то, что он не кто-то с улицы, его не страшно в дом пускать и за сунутые ему в руку сложенные гармошкой евро он никуда не настучит. Но Антон... ну что на него нашло.

Он пришел вечером. Явно чем-то недовольный. Элла забеспокоилась, но решила не накручивать себя догадками о причинах. Поэтому сразу рассказала про помощника и услышала не терпящее возражений «нет».

— Я видел его, и мне он не понравился.

— Когда ты мог его видеть? — оторопело спросила Элла.

— Когда чуть раньше приехал домой, но вспомнил, что забыл документы. Он выходил из дома. Я его увидел, а потом поехал обратно на фирму за бумагами.

— И что тебе в нем не понравилось? — еще больше удивилась она.

— Ты что, не заметила, как он выглядит?

— Ну да, он приятный, — попыталась пошутить. — Но не в моем вкусе.

— Сколько ему лет? — не унимался муж.

— Ну... я не знаю. Лет тридцать. Антон, да что с тобой?! — Внимательно посмотрела на мужа. — Да ладно... — недоверчиво улыбнулась, по-прежнему не желая верить своей догадке. — На что ты намекаешь?! Что я в свои сорок два начну крутить с ним роман?! Ты с ума сошел?

— Я не хочу сидеть на пороховой бочке и ждать, когда ты мне изменишь.

— Антон! Мы двадцать лет женаты. Я хоть раз дала тебе повод к ревности? Я хоть раз сделала что-то не так?! — от возмущения она говорила все громче, прекрасно зная, что муж не выносит разговоров на повышенных тонах. — Тогда почему друзьям Кристиана и Ким можно приходиться к нам в дом? Они тебя не беспокоят?

Антон посмотрел на нее, словно на раскапризничавшегося в магазине ребенка, и твердо сказал:

— Элла, я сам найду человека.

По его тону поняла, что дальше продолжать дискуссию не имеет смысла.

— Твою ж мать! — выругалась по-русски и вышла из его кабинета, нарочито хлопнув дверью.

На следующий день пришлось звонить несостоявшемуся помощнику. Было неловко. Еще более неловко оттого, что он, видимо, все понял. Хотя она, извиняясь, лепетала, что, оказывается, муж уже нашел человека, просто не успел ей об этом сказать. Он же столько работает,

столько дел и проблем в голове. Извини, пожалуйста, что зря тебя потревожили. «Я понял, понял», — ответил он то ли с насмешкой, то ли с сочувствием.

Глава 3

Настроение было испорчено с самого утра.

— Я заеду за тобой в шесть, — сказал Антон за завтраком.

— Зачем? — не поняла Элла.

— На ужин с клиентами. Ты забыла?

— Какой ужин? Ты ничего не говорил.

— Нет? — искренне удивился он. — Прости, я думал, что уже давно сказал.

Элла скривилась. Бесит, причем непонятно, что и кто именно больше. Муж? Который регулярно забывает ставить в известность о предстоящих мероприятиях, совершенно не считаясь с ее планами. Или она сама? За то, что за годы совместной жизни не смогла к этому привыкнуть. И каждый раз вынуждена давить в себе поднимающееся возмущение.

Антон виновато погладил ее по руке. «Только не вздумай мне сейчас сказать: „Элла, ну что за планы могут быть у неработающей женщины, которые нельзя отменить“, — закипала она про себя. — И ведь ласково так говорит, что обижаться как-то глупо, но при этом хочется придушить».

Да, действительно, какие у нее могут быть планы, которые не отменить ради планов мужа. Как жаль все-таки, что дети выросли и теперь нельзя привычно отмахнуться, сказав: «Антон, а детей я с кем оставляю?» И облегченно выдохнуть. И он все понимал, и не надо было ходить на все эти ужины, юбилеи, чествования, производить впечатление, заинтересованно слушать скучные разговоры, кивать, улыбаться. А про себя думать: «Господи, когда это все закончится и мы наконец-то поедem домой».

Пытаясь загладить вину, Антон предложил:

— А может, поезжай в магазин, прикупи себе что-нибудь новое на сегодня. Ты все равно весь день дома...

— И поломать себе день окончательно? — с вызовом перебила она.

— Ну, Элла, ну... — Он погладил ее по руке и сделал жалобно-просительное лицо.

Она почему-то вспомнила, как мать все время хвастается своим золотым немецким зятем. Все-таки по большому счету ей правда очень повезло с мужем. Подавив раздраженный вздох, спросила:

— Тебе налить еще кофе?

— Нет. Я уже должен бежать.

«Маникюр в срочном порядке делать не поеду», — упрямо решила про себя. Снова посмотрела на свои аккуратно подстриженные ногти, поводила пальцами в воздухе, словно играя на пианино. «Нет, придется. Пусть в торговом центре хоть лаком красиво накрасят и какие-нибудь камушки наклеят».

Вечером Элла стояла перед распахнутым шкафом. От мук выбора настроение стало портиться еще больше. Наконец она остановилась на любимом светло-сером коктейльном платье.

— Антон! Думаю, я надену это платье.

Он вошел в гардеробную, скептически взглянул на платье, протянул ей кружку с чаем: «Подержи». Подойдя к шкафу во всю стену, той ее части, где висели вещи Эллы на выход, подвигал вешалки и достал черный вечерний комбинезон.

— Надень лучше это.

— Антон, я его не люблю. Мне в нем неудобно, — закапризничала она.

— Но ты в нем такая секси, — уговаривал он. — Пожалуйста. И эти туфли.

Настроение упало окончательно при взгляде на шпильки, которые поставил перед ней муж. Элла чувствовала себя комфортно либо в кроссовках, либо в обуви на танкетке, которую Антон почему-то называл старушечьей. Не могло быть и речи о том, чтобы надеть на ужин с

клиентами что-то, в чем ей будет удобно. «В конце концов, я же сидеть все время буду», — успокаивала она себя. Поморщилась, но, взяв комбинезон и туфли, пошла переодеваться.

Хорошо накраситься с первого раза тоже не удавалось. Стрелка на левом глазу никак не хотела получаться симметричной правой. Элла тихо зарычала, проклиная ужин, Антона и его клиентов. Злилась на то, что Ким нет дома, — та за две минуты сделала бы ей вечерний макияж. Шумно выдохнула, посидела пару секунд, заталкивая раздражение глубоко внутрь себя, и наконец смогла нарисовать вторую идеальную стрелку. Ресницы нарисовала интенсивнее, чем обычно, губы — ярче, растушевала тени под цвет глаз, темнее к внешним уголкам, еще раз коснулась спонжем с пудрой лба и носа.

«Хороша», — подбодрила свое отражение в зеркале. «Но как мне во всем этом неудобно и как я не хочу никуда идти», — заныла про себя, выходя к Антону, который уже ждал ее в прихожей. Он с удовольствием посмотрел на нее. На каблуках она была выше мужа. Его это не смущало, он любил предъявлять свою жену миру. И чем ярче и заметнее она выглядела, тем больше ему это нравилось. Смотрите все, это моя женщина!

Элла ласково провела рукой по его плечу в дорогом пиджаке, смахивая несуществующую пылинку, накинула плащ, и они пошли к машине.

Этот ресторан при небольшой гостинице всегда был полон. Шеф-повар здесь готовил как бог. Поэтому столик нужно было бронировать за две-три недели. Клиенты фирмы Антона, одни мужчины, уже сидели за столом. Элла поискала глазами, есть ли два стоящих рядом стула, чтобы им с мужем сесть вместе. Нет... Один из гостей хотел было освободить ей место рядом с Антоном, но тот жестом его остановил: «Не надо, все в порядке».

Элла время от времени посматривала на него, словно удостоверяясь, что все делает правильно. «Ты доволен? Я говорю, шучу, принимаю комплименты так, как нужно? Муж отвечал нежным взглядом или улыбался одними глазами. Элла успокаивалась: значит, все хорошо.

Один из представителей фирмы-клиента уже показывал ей в телефоне фотографии своих взрослых детей. Она внимательно слушала и задавала уточняющие вопросы. Чувствуя интерес Эллы, он вдруг признался, что, наверное, как-то неправильно воспитывал младшего сына, потому что тот ничего не хочет: «Мы с женой его сильно баловали. А теперь он лежит дома на диване, ему ничего не интересно и ни на что нет сил». Элла сочувственно качала головой. Думала про своих детей, как ей с ними повезло... Конечно, они слегка ею избалованы, но ведь просто потому, что у нее есть возможность их баловать.

«Все-таки зря ты отказываешься у меня работать, — иногда говорил Антон. — Мне бы очень пригодилось твое умение располагать к себе людей и общаться с ними». — «Нет, мы ведь с самого начала с тобой решили, что я не буду работать. К тому же я не умею ничего. Кроме как детей рожать да супы варить». — «Не обесценивай себя. Разве может быть для женщины что-то важнее?»

За их столом пили красное итальянское вино. Плотное, пахнущее полуденным зноем и горячим виноградом. Элла с удовольствием разглядывала фужеры, которые им принесли. Надо будет домой купить такие же. Она почти не пьет, но уж очень красиво смотрятся. В каждый запросто можно налить пол-литра. Обслуживавший их официант принес бутылку, показал сначала Антону. Тот одобритительно кивнул, но попробовать первым и оценить предложил главному юристу фирмы-клиента. «Ох уж эти церемонии», — подумала про себя Элла. С непривычки вино показалось очень крепким и с первого глотка ударило в голову. Она осторожно сняла туфли под столом и слегка откинулась на спинку стула. Но снова почувствовать себя комфортно смогла, только оказавшись в машине.

— По-моему, они были в восторге, — оживленно говорил Антон на обратном пути.

— В восторге от чего?

— Да от всего. От того, как мы их принимали. От этого меню в пять блюд. И я им сделал шикарное предложение. — Он мягко провел тыльной стороной ладони ей по щеке и, оторвав взгляд от дороги, интимно добавил: — От тебя. Ты разве не заметила, как на тебя все смотрели?

— Заметила. Потому что я была единственной женщиной за столом.

Ей не хотелось разговаривать. И это возбужденное состояние мужа нервировало. Для Эллы на этом вечере было слишком много всего. Еды, людей, разговоров, суеты вокруг и внутреннего напряжения.

— Это меню, что он сотворил сегодня, по-моему, было превосходным, — не унимался Антон.

— Я смогу его повторить, — перебила его Элла.

Муж уважительно посмотрел.

— Правда сможешь?

— Ну да. А что сложного? — невозмутимо ответила она. — Крем-суп из спаржи, карпаччо из говядины, салат с копченой форелью — он был таким невероятным, потому что шеф использовал ягодный бальзамик. Стейк я подготовлю, ты пожаришь на гриле, я скажу, сколько минут, чтобы он получился идеальным. Сделать панакоту тоже несложно.

Антон зачарованно слушал ее, словно ребенок, которому объясняют устройство мира, потом спросил:

— А когда пригостишь?

— Ну когда у нас следующий праздник? Тогда и пригостишь.

Эллу забавляло абсолютное неумение мужа готовить. Он мог сделать себе чай из пакетика и положить кусок колбасы и сыра на тост. Даже кофе в кофемашине он всегда просил приготовить Эллу. Ей казалось это нелепым диссонансом. Умнейший мужик, талантливый юрист, который никогда не проигрывает. А даже если и проиграет, то все равно с какой-то выгодой. Сумел вытащить юридическую контору своего отца из банкротства и сделать из нее одну из лучших в их регионе, еще и с партнерами в странах-соседях. Но если Эллы нет дома, он сидит голодный и терпеливо ждет, когда она придет и сервирует ему ужин. Вспомнив это, она засмеялась. Погладила его по волосам.

— Ты что смеешься? — улыбаясь, спросил он.

— Вспоминаю, сколько ты выпиваешь чашек чаю, если меня нет, в ожидании ужина. Вот скажи, пожалуйста, — оживилась она, — ты — один из лучших юристов, почему ты не можешь вынуть из духовки блюдо с запеченным мясом и отрезать себе кусок на тарелку? А потом из духовки же достать картофельный гратен и положить пару ложек рядом с мясом.

Антон картинно задумался, потом ответил:

— Это все слишком сложно для меня.

Запрокинув голову, она громко засмеялась смехом, который, казалось, не мог ей принадлежать. Какой-нибудь порочной женщине, но не ей, не Элле. Ее смех как будто жил отдельно от нее.

Они подъехали к дому. Во дворе, кроме машины ее и Кристиана, стояла еще одна, чужая, с номерами другого региона. «Да что же это такое?» — внутренне простонала Элла и нервно обратилась к мужу:

— Тебе не кажется, что уже поздно для визитов?

— Ну да, наверное, поздновато, — неуверенно ответил он. — Да ладно тебе. Это ведь молодежь. Им нужен экшен круглые сутки. Радуйся, что дети водят своих друзей домой. Ты же сама хотела быть в курсе, с кем они общаются. И видишь, они даже общаются, а не только в телефонах сидят.

— Вижу, — проворчала Элла, отпирая дверь.

Скинув туфли, потерла затекшие ступни, повесила плащ, поднялась в комнату сына. Он сидел на кровати с Леоном, Ким — в кресле напротив. Все трое что-то обсуждали. Дочь кокетливо хихикала. Понятно, на этот раз не Крис его притащил, а похоже, что Ким.

— Ма-а-ам, покормишь нас? — протянул Кристиан.

— А в холодильнике вы ничего не нашли?

Сын отрицательно покачал головой. Леон смотрел то ли дерзко, то ли с насмешкой. Элла не могла понять, только почувствовала, что раздражается со страшной силой и на детей, и на него.

— И ты не нашла? — резко спросила дочь.

Ким весело помотала головой.

Элла бросила:

— Сэндвичи подойдут?

Все трое закивали, как болванчики. Ей стало смешно. Господи, какие еще дети в самом деле.

Она спустилась на кухню. В хлебнице еще оставались купленные утром булочки. Они громко захрустели под ножом, усеивая столешницу мелкими крошками. Элла достала из холодильника салями, сыр, помидоры, соленые огурцы.

Проходя мимо в гостиную, Леон нерешительно остановился.

— Я могу помочь, если нужно.

Больше всего хотелось ответить: «Ты очень поможешь, если сейчас уйдешь».

Но она спросила:

— Как твое горло?

Он удивился:

— Спасибо, лучше. Мне приятно, что вы спрашиваете.

Посмотрел так, словно пытался что-то в ней разглядеть. Элла смутилась. Еще «вы» это допотопное, словно ей сто лет.

— Что будешь пить?

— Черный чай, если можно — с лимоном.

— Станный выбор.

— Почему?

— Старомодный какой-то, — улыбнулась Элла.

— Так я сам старомодный, — без улыбки ответил он.

«Цену себе набивает. Неприязнь мою почувствовал. Точно почувствовал», — подумала она, снова ощущая дискомфорт. Эдакую мутную смесь вины за свое недовольство и бессилие от неспособности его унять. Поэтому за столом заняла не свое привычное место, напротив того, где сел Леон, а сбоку, рядом с сыном.

Антон пил красное вино из пузатого бокала на тонкой ножке. Спросил, не хочет ли кто-то еще. Все отказались. Элла поставила перед собой, как обычно по вечерам, кружку с зеленым чаем. Изредка беспокойно поглядывала на мужа. В ресторане он уже выпил два бокала. Этот третий. Пусть им все и ограничится. Только бы им все и ограничилось. Хотя вряд ли. Завтра выходные. Значит, он выпьет целую бутылку, ляжет в постель, будет жарко дышать ей в затылок или в шею, тянуть к себе... Она ненавидит эти пьяные приставания. И вообще людей, пахнущих алкоголем.

Элла вынырнула из своих мыслей на голос Леона.

— Я приехал решать квартирный вопрос.

Антон выжидательно смотрел на него.

— Мать недавно умерла. Нам троим осталась квартира. Мы с братом переписываем свои доли сестре.

— Почему?

«Чего он к нему пристал, — подумала Элла. — Достаточно было выразить соболезнование. Антон, нужно просто выразить соболезнование».

— Ей нужнее. Мы с братом сами себе заработаем.

— Дружите между собой?

— Нам не нужно дружить. Мы просто есть друг у друга.

Эллу возмущал снисходительный тон, которым этот мальчишка разговаривал с ее мужем, словно свысока. Еще больше нервировал Антон, который внимательно его слушал. «Приличный человек давным-давно бы уже ушел — как только мы пришли, сразу бы попрощался. Ну или сидел бы в комнате у Криса». Вспомнила расхожую шутку из интернета про немцев, как они просят гостей подождать в соседней комнате, пока у них ужин. «Антон нашел себе собеседника, черт бы его побрал. Теперь они будут разговаривать, а мне, как хорошей хозяйке, придется слушать, стараясь не зевать».

— Ты еще долго пробудешь в городе? — вмешалась дочь.

— Я, наверное, задержусь здесь, — слегка наклонившись вперед, ответил Леон и скользнул глазами по лицу Эллы.

«Точно про кружку слышал», — подумала она, громко размешивая в ней ложкой сахар. Покраснела и положила ложку рядом. По скатерти начало расползаться мокрое пятно.

Наконец Леон уехал. Дети разошлись по своим комнатам. Элла отправилась в ванную и долго стояла под душем. Антон постучал в дверь и, перекрикивая шум воды, спросил: «Ты скоро?» Потом она тщательно накладывала ночной крем, хотя больше всего хотелось уронить голову на подушку и сразу же отключиться. Неслышно вышла из ванной, прокралась на цыпочках в спальню, прислушалась — Антон уже спал. Тихо легла рядом, свернулась калачиком, уютно укрывшись одеялом, и тут же уснула.

Глава 4

«Ну что за характер, Джули! Надо было с ней договариваться на половину третьего. Как раз бы к трем и пришла». Элла снова сердито взглянула на часы. Ей уже невыносимо хотелось кофе и пирожное. Вон тот шварцвальдский вишневый торт выглядел таким аппетитным в блестящей крутящейся витрине.

Она старалась не думать, что каждый раз при встрече с Джули ей, с одной стороны, становилось как будто неловко за то, что ей так повезло в жизни, ведь она действительно очень удачно вышла замуж. А с другой — Элла болезненно осознавала, хотя до последнего пыталась это отрицать: Джули живет свою жизнь так, как когда-то представлялось ей, она будет жить своей.

Наконец бывшая однокурсница оказалась в дверях кафе. Она даже не вошла, а ворвалась в помещение. Приблизившись, порывисто обняла, окутала облаком терпких духов, заглушив все запахи вокруг, небрежно бросила сумку на стол. Украдкой покосилась на Эллу. Видела? Видела. «Ну конечно, „Луи Виттон“. Круто, Джули, у меня нет такой», — внутренне засмеялась Элла.

Выложила на стол новый айфон, косметичку и лаковый кошелек «Шанель» темно-бордового цвета. Продемонстрировав все, что хотела, Джули успокоилась и принялась изучать меню. Элла незаметно разглядывала ее. Со смешанным чувством то ли злорадного удовлетворения, то ли сожаления отметила, что Джули как будто постарела за то время, что они не виделись.

В ответ на брендовые штучки Элла рассказала, как у нее все замечательно. Джули вежливо слушала, изредка вставляя уточняющие вопросы. Когда Элла закончила, попытожила:

— Здорово. Рада, что у тебя, как обычно, все хорошо.

Эллу это неприятно кольнуло.

— А ты как?

Джули оживилась и, перечислив все триумфы и имена богатых поклонников, пожаловалась, как главреж не хотел давать ей роль, на которую она положила глаз еще до коллективной читки.

— Ты представляешь, он сказал, что это не моя роль. А чья? Элла, ну кто лучше меня сыграет такую бабу, которую все хотят? Он сказал, что дать эту роль мне слишком банально.

— Так распределение уже было?

Джули кивнула.

— Конечно, я ее получила. Но при условии, что сыграю ее по-новому для себя. Он сказал: «Удиви меня». Ну я вызов, разумеется, приняла. И подумала, так даже круче. Можно попробовать выше головы прыгнуть. — Она поковырялась в пирожном, отложила вилку на блюде. Отпила глоток капучино, нарочито аккуратно поставила чашку и будничным голосом сказала: — Мне матку удалили. Рак.

Элла застыла, глядя на Джули и лихорадочно соображая, что говорят в таких случаях. Открыла было рот, чтобы сказать, как ей жаль и, если она может ей чем-то помочь или как-то поддержать... Но Джули резко остановила:

— Ты особо-то не переживай. Мне удалили тот орган, который я никогда не использовала по назначению. И вряд ли бы уже начала. Так что все так, как должно быть.

Ее телефон звякнул, оповестив о новом сообщении. Взяв его в руки, прищурилась, поднесла ближе к лицу. Посмотрела настороженно, усмехнулась: «Мне очки уже прописывают, представляешь?» Словно лампа у косметолога, свет от экрана подсветил пару глубоких морщин от глаз к вискам, заломы в уголках губ.

Эллу охватила неожиданная грусть из-за Джули, из-за детей, которых у нее теперь уже точно никогда не будет. Захотелось обнять ее, такую живую, по-прежнему энергичную, запол-

няющую собой все пространство, переборовшую болезнь... Джули, которую она даже подружкой не могла назвать... и поплакать вместе.

Она все ждала рассказа, как Джули узнала о диагнозе, как это переживала. Но та сказала только, что про рак ей сообщили в день рождения. В груди у Эллы словно что-то надломилось.

— Ну и что теперь... Зато теперь я знаю, как это все играть, — вывел ее из какого-то тумана голос Джули. — Стать женой и матерью никогда не было моей мечтой, — добавила она.

Элле послышались нотки неуверенности в ее голосе. Она подумала о странности их отношений. Если бы Джули их не поддерживала, они бы не встречались. А вот случилось с ней несчастье — и ни слова не написала. Считает Эллу настолько погруженной в семью или настолько к ней равнодушной, что даже не допускала мысли о ее желании помочь?

Пауза, когда понятно, что каждый крутится в своем потоке мыслей, затянулась. Джули взялась наконец за свое пирожное.

— Суперновость, — хмуро напомнила Элла.

— Да-а-а! — темпераментно отозвалась Джули, так что на нее обернулись с соседних столиков. — Ты не поверишь, кто у нас новый художник по свету. — Она смотрела на Эллу, предлагая начать угадывать.

— Понятия не имею, — не включилась та в игру.

— Ян! — ожидая реакции, выпалила Джули.

Элла напряглась, но, сохраняя равнодушный вид, сказала:

— Странно. Учился на кинооператора. Теперь художник по свету в театре.

Джули разочарованно откинулась на спинку стула.

— Ничего странного. Он всегда был ветреным. Передать ему от тебя привет?

— Думаю, он меня и не вспомнит, — холодно ответила Элла.

— Да, может быть, конечно.

В воздухе повисла неловкость, заметная только Элле. Она принялась сосредоточенно доедать свое пирожное, запивая его вместо кофе водой. Крем во рту становился противно холодным, и хотелось его выплюнуть.

— А ты? — спросила Джули. — Не устала?

— От чего? — не поняла Элла, но внутри екнуло. — У меня все хорошо. — Серьезно добавила: — Сумки «Луи Виттон», правда, нет.

Джули расхохоталась.

Элла ехала домой и думала о том, что теперь есть ничтожная вероятность встретить Яна. Просто потому, что она знает, где он. А он узнает или уже знает о том, где она. Хотя ему наверняка все равно. И подумать только, ее до сих пор это способно задеть...

Первое время она еще плакала. Хотя в ее жизни уже был Антон. Так удачно, так вовремя влюбившийся в Эллу до беспамятства. Не появившись он тогда, с его настойчивой нежностью и безграничным обожанием, в тот самый день, неизвестно, как сложилась бы ее судьба. После того, как на перемене между занятиями Ян подошел к ней, сел на подоконник, придвинул к себе, словно куклу, и спокойно, глядя в глаза, предложил: «Давай расстанемся?» Элла бестолково осмотрелась по сторонам, как будто искала — может быть, это он не ей, а кому-то рядом? Но рядом была только она. Неподалеку стояли ребята из ее группы, занятые собой. Несколько однокурсников Яна шумно толкались у лестницы.

Когда она, оглохшая и почти ослепшая от сдерживаемых слез, продолжала в одиночестве стоять у окна, ее позвала Джули непривычно тихим и мягким голосом: «Элла, дорогая, пойдем, а то опоздаем».

Потом оказалось, что и Джули, и ребята из группы, и из других уже давно знали, что у Яна начался роман. С Яниной, новенькой в секретариате. Какая пошлость, нарочно не придумать: Ян и Янина.

И как же глупо, что он до сих пор остается фантазией, которую, ей кажется, она продолжает любить. Несмотря ни на что, особенно когда жизнь становится совсем монотонной.

Глава 5

Для таких вечеров, когда им удавалось ужинать всем вместе, как раньше, пока дети были еще маленькими, Элла старалась готовить то, что любят все. Как на праздник. И разве это не праздник — быть всем вместе? В других семьях, она слышала, дети даже не выходят из своих комнат, чтобы поесть с родителями. А она с детьми, слава богу, выстроила теплые отношения, и им есть о чем говорить. Особенно с Ким. С доченькой. Элла всегда называла ее доченькой только по-русски. Уютно, словно пеленала.

Мясную лазанью с большим удовольствием в семье ели и Антон, и дети. Возни, конечно, много ее готовить. Хотя если она готовит каждому что-то свое, возни не меньше. Элла внесла еще шкварчащее блюдо, наполнив комнату запахом мяса, томатов и итальянских трав. Разрезала на порционные куски, разложила по тарелкам, стряхивая с кулинарной лопатки длинные нити расплавленного сыра. Антон открыл бутылку красного полусухого вина, спросил, не хочет ли она бокал, Элла отказалась. Он налил себе и с наслаждением посмотрел в свою тарелку. Еще не попробовав, сказал:

— Если бы проводился конкурс на лучшего повара, ваша мама в нем точно заняла бы первое место.

Ким поддакнула отцу, тепло посмотрела на нее, добавила:

— Мама, ты лучшая.

— Крис, мы только тебя ждем! — повернувшись в сторону лестницы, прокричала Элла. Антон укоризненно покачал головой.

— Может, он в наушниках и не слышит? — попробовала она оправдать сына.

— Крис! — оглушительно завопила Ким. Элла шикнула на нее.

Наконец он спустился, сел за стол, небрежно объявил:

— Завтра мы выступаем. — Набросился на еду и, изображая равнодушие, спросил: — Вы ведь придете?

— Я приду! — радостно объявила Ким.

— Ким, я знаю, что ты придешь. Мы все это знаем. И Майк, и Леон, и Тоби, — вздохнул Крис. — И заранее опасаемся.

Она толкнула его локтем в бок.

— Мама придет, — сказал Антон. — Меня пригласили на юбилей к одному банкиру. В честь твоего выступления с нее снимется обязанность сопровождать меня.

Элла натянуто улыбнулась. Пойти куда-то без мужа — это гарантированно почувствовать себя беззащитной, потерянной. Никакой. И пусть рядом с ним она ощущает себя лишь частью его образа, удачным дополнением вроде булавки, идеально подобранной к галстуку. Но зато всем понятно, и ей тоже, кто она.

* * *

Элла сидела перед зеркалом и делала массаж. Привычными точными движениями. Лоб, брови, скулы, нос, губы, подбородок, тяжи на шее, будь они прокляты. Встать, упражнения на осанку. Может, пропустить их сегодня? Пропустишь сегодня, завтра, а потом оглянуться не успеешь, как лицо сползет вниз. Нет, Элла, давай. В воскресенье у тебя выходной от этого всего. В возрасте только дисциплиной можно сохранить привлекательность. Хоть как-то, хоть на пять лет затормозить старение. Выглядеть лучше, моложе ровесников, чтобы Антон привычно хвастался ею. И чем дольше он сможет это делать, тем лучше. Она придирчиво изучала

свое отражение. «Наверное, непривлекательным женщинам стареть проще. Вместе с морщинами их мир не разрушается так заметно и стремительно».

Элла заглянула в комнату Ким спросить, когда та будет готова. И снова поймала себя на мысли, что последние лет пять, глядя на дочь, испытывает смешанное чувство гордости и тревоги, как бы чего не случилось.

— Мама, ты прекрасно выглядишь, — напрашиваясь на ответный комплимент, сказала Ким. — Такая молодежная.

— Ты моя красавица, спасибо. Да, я подумала, что в бар, в котором выступает студенческая группа, надо одеться попроще.

— Это ведь не мои джинсы? — приглядевшись, спросила Ким.

— Успокойся, не твои. В отличие от тебя, дорогая, если я хочу что-то позаимствовать из твоего гардероба, то предварительно спрашиваю.

— Я ничего у тебя не беру. Мне твои юбки и платья неинтересны, я их терпеть не могу.

— А мой белый свитер?

— Уже вернула.

— Я заметила. Грязный и скомканный. — Элла почувствовала, что переходит на воспитательный тон. Ей это не нравилось в себе. Не такой матерью она стремилась быть своим детям.

— Так мы идем? — не дала ей продолжить Ким.

Подойдя к машине, Элла спросила:

— Хочешь повести?

— Конечно!

Не найдя места у бара, покружили по окрестностям, и Ким наконец смогла припарковаться. Делала она это ученически сосредоточенно.

— Вся вспотела, — пожаловалась, выходя из машины. — Мам, скажи папе, что ты видела, как я хорошо вожу и уже умею парковаться даже параллельно, даже между двумя машинами.

— Скажу. Пойдем быстрее. А то нам не только парковочного, еще и в зале места не найдется.

Ирландский паб был полон. Пришлось сесть у барной стойки. Элле было неудобно на высоком стуле без спинки, и апельсиновый сок, что она заказала, был невкусным. Ким болтала без умолку, так что Элла скоро потерялась в ее историях.

— И не хотела я идти сегодня на самом деле, — продолжала дочь, — меня девчонки звали с ними на большой концерт. Но я пришла из-за него.

— Из-за кого?

— Ле-о-на, — громко по слогам в ухо сказала ей она.

Элла отпрянула.

— Мне кажется, что ты могла бы прийти из-за брата.

Ким проигнорировала ее замечание.

— Подожди. Ты же была равнодушна к Майку, — напомнила Элла.

— А теперь как будто равнодушна. Мама, сейчас они выйдут, и ты все сама поймешь.

Леон сидел в глубине за ударной установкой в широкополой мужской панаме. С совершенно отсутствующим видом. Мало того что панاما сама по себе бросалась в глаза, на ней еще были неоновые кляксы, которые привлекали к нему взгляды в обход стоящих впереди участников группы. Он был одет в джинсы и белоснежную майку на лямках, некогда атрибут маргинальных слоев населения, теперь — предмет мужского гардероба, призванный подчеркивать маскулинность.

— Всех затмил, — прокомментировала Ким и радостно засмеялась.

— Он же некрасивый, — разочарованно протянула Элла. — Я не понимаю твоих восторгов. Майк намного симпатичнее.

Она хотела еще что-то добавить, снова ощутив волну непонятной неприязни, но решила, что это будет неправильно. «В конце концов, Элла, уважай вкус своей дочери».

— Мама, ты с ним не общаешься и не знаешь, каким милым он может быть. Такой, знаешь... — Она подбирала слова. — Хочется к нему прижаться и не отпускать.

«Выпендрейчик», — решила про себя Элла.

Леон принялся крутить в руках барабанные палочки, подбросил их, поймал, проделал еще какой-то трюк, а потом показал ими в их сторону и подмигнул. Элла дернулась, как будто этими палочками он ткнул ей в сердце.

«Да нет, быть не может. Это он Ким». Повернулась к дочери, та вежливо ей улыбнулась, как незнакомой. «Бред. Конечно, это он ей». Удивление, смешанное с сомнением, точило изнутри неясной тревогой. Но именно в этот момент, в душном баре, сидя на неудобном стуле, стараясь держать спину прямо, Элла вдруг почувствовала себя до краев переполненной жизнью. Все выступление она косилась на Леона, злилась из-за этого и возвращала взгляд на сына.

— Ма-а-ам, ты даже не всплакнула сегодня, — ласково усмехнулась Ким, когда группа отыграла.

Элла ничего не успела ответить. Она увидела знакомую, с которой не любила сталкиваться, — та слишком много говорила и задавала массу порой бестактных вопросов. Элла резко повернулась лицом к бару.

— Отвернись, как я, — прошипела дочери.

— Кто там? — закрутила Ким головой.

— Никто, — ответила Элла.

— О-о-о, я тоже ее знаю, — сказала дочь и, обаятельно улыбнувшись подошедшему к ним бармену, спросила: — Как незаметно для других гостей пробраться к музыкантам, выступавшим только что? — Поманила его, чтобы он наклонился, и шепотом добавила: — За одним из столиков сидит женщина, встреча с которой может отравить нам с мамой этот прекрасный вечер.

Они прошли по узкому коридору в небольшое помещение, где на старомодном диване сидели все четверо. На низком столике стояли бутылки воды и колы, из чьего-то телефона играла музыка, которую Элла не понимала. Крис поднялся и, выпятив грудь, пародируя оперного певца, спросил:

— Девочки, ну как мы вам?

— Ты был прекрасен, — улыбнулась Элла. — Ребятки, вы все были прекрасны, супер-выступление.

Краем глаза проследила, как Ким подошла к Леону. Внутри царапнуло от того, как она на него смотрит, как он на нее посмотрел.

Глава 6

— Опять таблетки глотаешь? — насмешливо спросил Кристиан, войдя на кухню. Элла молчала.

— Ты же их плохо переносишь.

Она продолжала стоять лицом к окну.

— Мам, а почему ты не можешь просто не летать с ним?

Повернувшись к сыну, строго спросила:

— Кто тогда будет с ним летать?

— Никто. Папа уже взрослый мальчик, — пожал Крис плечами.

— Ты же знаешь, он любит, когда кто-то из нас с ним. Это важно для него. Его хобби для него важно. И это... круто. Он очень этим гордится. Кто-то из отцов твоих приятелей имеет лицензию пилота?

— Как он говоришь, — пробормотал сын.

На кухню вошел Антон.

— Может, ты с нами? — спросил на всякий случай.

— Нет, у меня репетиция.

Элла заметила, как посуровел муж. «Ну никак не может простить, что ему это неинтересно». Чутко уловив намерение Антона уколоть сына, чтобы заглушить обиду, встала между ними:

— Я готова, поехали.

Она бестолково бродила вокруг маленького самолета, пока он завершал приготовления к полету. Сходил в башню, в которой сидел диспетчер, вернулся, снова зачем-то ушел, потом подогнал самолет к заправке. Наконец скомандовал, что можно в кабину. Элла легко запрыгнула внутрь, привычно надела тяжелые наушники, лежащие на сиденье, отрегулировала, чтобы не давили. Антон достал свои личные из сумки пилота, полной карт и блокнотов, надел, посмотрел с азартом и защелкал приборами на панели. Проговорил бессмысленный набор слов, получил добро на старт. Самолет бодро разогнался, оставляя позади забор из туи, лужайку рядом с аэродромом, по которой бродили овцы, оторвался от земли и начал набирать высоту. Элла глубоко вдохнула и выдохнула, пробормотала по-русски: «С богом» — и привычно уставилась себе на колени, чтобы не было соблазна бросить взгляд вниз. Антон весело повторил за ней: «Збохом» — и стал очень серьезным. Сейчас они поднимутся, и она будет смотреть только на небо или горизонт. Медикаменты помогали снять неприятные ощущения в желудке, но не избавляли от панического страха высоты. И годы полетов с Антоном тоже. С апреля по октябрь. Каждый год. Животная боязнь посмотреть вниз. Ужас отсутствия земли под ногами.

Когда самолет набрал высоту, Элла вдруг снова ощутила разливающуюся внутри муть, которая поднималась к горлу, раскачиваясь внутри, словно качели. «Может, таблетки еще не подействовали, — попыталась она себя успокоить. — Сейчас, сейчас станет лучше». Но лучше не становилось. Чем дальше оставалась земля, тем невыносимее становилось внутри. Элла прикрыла глаза и начала медленно и шумно дышать.

Антон оторвался от приборов.

— Тебе нехорошо?

— Да, — выдавила она из себя.

— Ты не выпила таблетки?

— Выпила.

Элла прижала руку к горлу, словно пытаясь остановить подкатывающую тошноту.

— Антон, мне плохо. Ты должен приземлиться.

Зажав рот рукой, другой нащупала в кармане двери пакет специально для таких случаев.

— Черт, — сказал Антон, озабоченно добавил: — Но прямо сейчас я не могу, я должен сделать круг.

Закрыв глаза, стала уговаривать себя, что она не в самолете. Но в голову, как назло, лезли картинки расчерченных словно по линейке полей, ровных полос дорог, верхушки огромных елей, совсем крошечных сверху, лужицы озер.

— О боже, — простионала Элла, чувствуя, что ее охватывает паника.

Антон перестал бросать на нее тревожные взгляды, сосредоточившись на посадке самолета. Ощутимый удар о взлетную полосу.

— Извини, я тоже разволновался, — пробормотал он. Проехал до конца, развернулся, встал поближе к ангару. — Ты как? — спросил, заглушив мотор.

Неслушающимися пальцами Элла открыла дверцу, сползла по крылу самолета и наконец ощутила землю под ногами. Она лежала на влажной траве, пытаясь через дыхание успокоить желудок. Джинсы стали противно мокрыми, ее знобило. Антон нервно ходил вокруг и спрашивал, не вызвать ли врача. Элла тяжело поднялась, дошла до заграждения, ее вырвало. Люди, сидевшие на террасе ресторана при аэродроме, смотрели в их сторону. Элла спряталась за забор из туи. Хотя взгляды были в большинстве своем сочувствующими, она испытывала омерзение к себе. К Антону подбежали несколько сотрудников из башни. Они понимающе кивали и предлагали помощь. Один из них торопливо удалился и вернулся с бутылкой воды. Элла достала из кармана куртки упаковку бумажных носовых платков, вытерла рот и руки. Антон протянул ей бутылку.

— Я поеду домой, — выдавила из себя.

— Да, конечно, — растерянно согласился Антон. — Ты уверена, что можешь сесть за руль?

— Уверена. Как ты вернешься?

— Позвоню Мартину.

Элла кивнула. Дома ей стало еще хуже. «Я просто заболела», — решила она про себя и успокоилась.

Глава 7

На следующее утро, заглянув сначала в комнату дочери, потом к сыну, попросила:

— Пожалуйста, ближайшие дни никого в дом не приводите, у меня ротавирус.

Ким оторвалась от зеркала, начала сочувственно охать и ахать. Потом ободряюще добавила:

— Мама, все будет хорошо, ты скоро поправишься.

Кристиана пришлось переспросить:

— Ты меня услышал?

— Услышал, услышал, никого не приводить.

«Золотые дети», — подумала про себя. Добрела до кухни, маленькими глотками выпила стакан воды. Включила кофеварку, та приветственно загудела и подмигнула дисплеем. Поставила вариться два яйца. Снова поднялась на второй этаж; подходя к комнате для гостей, услышала громкий храп мужа. «Видимо, хорошо выпил вчера с Мартином, — подумала Элла. — Все-таки хоть какая-то польза от этой мерзкой болезни». Когда Антон выпивал больше своей нормы, он неудержимо хотел жену и добивался ее с настойчивостью подростка в период гормональных бурь, а потом всю ночь оглушительно храпел. Еще он панически боялся кишечных вирусов и инфекций — и, если кто-то из членов семьи ими заболел, прятался в своем кабинете на втором этаже дома. Если болела Элла, спал тоже на втором этаже, в комнате для гостей.

— Антон, — тихо позвала она.

Он лежал на середине кровати, левая рука на груди, правая широко откинута. Элла еще раз поблагодарила ротавирус, что сегодня ей не пришлось, просыпаясь, сбрасывать с себя эту руку и сталкивать мужа со своей половины.

— Антон, — повторила громче.

— А? Что? — Он открыл глаза и начал беспокойно озираться.

— Тебе завтрак в кабинет принести?

— Зачем?

— Я заболела. Ты забыл?

— Ах да. Да.

— Может, ты его сам заберешь? Я еле на ногах держусь. Я тебе все на подносе приготовлю.

— Да. Хорошо.

Собрала на маленький черный поднос яйца всмятку в белых подставках с забавными мордочками, два поджаренных тоста из цельнозернового хлеба, баночку паштета из индейки, солонку из той же серии, что и подставки, черный кофе, положила в него две ложки сахара, размешала. Себе бросила в чашку пакетик чая, нет никаких сил листовой заваривать. Медленно побрела с горячей кружкой обратно в спальню. Неподнятые рольставни и неоткрытые шторы создавали в комнате сумрак, атмосферу болезни и тоски. Она закрыла глаза. Топот, хлопанье дверей, звуки утренней суеты начали постепенно удаляться, минута-другая — и она задремлет.

— Элла! — закричал из гостиной Антон. — Ты не видела черную папку с документами? Я в пятницу с собой приносил.

«О нет», — простонала про себя. Собрав все силы, громко уточнила:

— Ты точно приносил?

— Совершенно точно, — недовольно отозвался муж.

— Посмотри у себя в кабинете.

— Уже посмотрел, там нет.

— Таки придется вставать, — проворчала досадливо.

Антон рылся в своем портфеле, торопливо выкладывая файлы с бумагами на стол.

— Здесь точно нет, — он выжидательно посмотрел на нее.

— Значит, нет, — согласилась Элла.

— А где?

— В кабинете смотрел?

— Да смотрел уже, — ответил на взводе.

— В машине?

Он взял ключи и быстро вышел из дома.

— Здесь! — закричал с улицы.

— Можно я снова лягу? — грустно спросила Элла, когда он вернулся за портфелем.

— Ох, да, конечно, — привычно потянулся, чтобы поцеловать ее на прощание, но, вспомнив, что она болеет, отпрянул: — Сегодня нет.

Напряжение отпустило: «Главное, что все нашел». Улыбнулась про себя. «Ну хороший мужик-то, хороший, хороший, и дети хорошие, и дом, и сад, и вообще все хорошо... у меня все хорошо».

В те три дня, что ее выворачивало наизнанку, докатилась до приготовления спагетти с готовыми соусами из банок. Даже зеленый салат не было сил сделать. Как его сделаешь? Его нужно сначала съездить купить. Можно, конечно, поручить это кому-то из семьи, но они же возьмут не глядя, и окажется, что листовой уже завял, а рукола или фельдсалат в пластиковых коробках наполовину сгнили.

А сил не было даже на то, чтобы злиться — то ли на них, то ли на себя. С другой стороны, чего злиться, Элла? Ну заболела, с кем не бывает. Болеешь ты редко, они просто не привыкли к этому, а ты поленилась их научить, как себя в таком случае вести: например, когда поели, хотя бы тарелку за собой убрать. Но ведь когда все в порядке, не думаешь об этом. Думаешь, что все время все так и будет. И тебе не трудно, абсолютно не трудно делать что-то для семьи, тем более если ты не работаешь.

Хворь отступала. В дом возвращались движение, разговоры и чужие молодые голоса. Элла снова начала готовить. Но что-то простенькое. Еще не восстановилась. Ужасно захотелось паэльи. Лучше всего овощной, после болезни не хотелось ни морепродуктов, ни мяса. Но кто, кроме нее, это будет есть? Антон очень любит с морепродуктами, Ким тоже. Крис станет есть только мясную.

Прислушиваясь к себе, решила: все в порядке, доехать сможет. Тренкнул ватсап. Мать беспокоилась, как она себя чувствует. Элла быстро набрала:

Сегодня уже встала. Поехала за едой. В доме шаром покати.

Поставила машину на большой парковке любимого супермаркета. Порадовалась, что снова в состоянии сесть за руль, доехать до магазина, заметить в нем малейшие изменения, новые продукты... «Все-таки, наверное, это счастье — жить такой спокойной жизнью, когда тебе бросается в глаза просто новая выкладка товаров», — размышляла Элла, взвешивая на электронных весах лук-шалот.

— Двенадцать креветок с панцирем и с головой, вон тот небольшой кальмар и двенадцать мидий, самых крупных, пожалуйста. — Она почувствовала воодушевление и прилив сил, как если бы уже стояла на своей кухне. — Два куриных бедра и пару сосисок чоризо.

«А если с Крисом вечером придет Леон? — вдруг подумала Элла. — Какую он будет? — И сама себе ответила агрессивно: — Какая мне разница, какую он будет? Будет то, что дадут».

* * *

Леон приезжал к ним чаще остальных. Подолгу сидел у Кристиана в комнате; Ким обижалась, если в такие вечера ее не было дома: «Мог бы и предупредить, что он придет». Крис

фыркал: «Ты слишком мешаешь». — «Ненавижу тебя», — бросала она. Брат не реагировал, Элла смотрела на дочь с осуждением и качала головой.

— Леон теперь твой лучший друг?

Крис пожал плечами. Элла почувствовала, как внутри поднимается недовольство. Она так и не смогла принять в сыне то, что он молчун. Его молчание казалось ей обидным, игнорирующим. Трудно было понять: он не слышал, не хотел услышать или настолько погружен в себя, что ему не до тебя и не до твоих вопросов. Сколько бы ни прокручивала в голове мысль, что нужно позволить ему быть таким, какой он есть, она, сама того не осознавая, снова проваливалась в свой страх, что с ним может быть что-то не так. А когда пыталась добиться от сына хоть каких-то подробностей его жизни, он спрашивал: «Мам, чего ты хочешь?» — «Хочу, чтобы ты чуть-чуть посвящал меня в свои дела. Разговаривать с тобой хочу», — заискивала она. «У тебя есть Ким. Она говорит за двоих», — и снова погружался в себя, в телефон, в гитару.

— Спроси у Леона, нет ли у него аллергии на какие-то продукты.

— Сама и спроси.

— Тогда он вообще каждый день на ужин ходить к нам начнет, — пошутила Элла и покраснела.

Но однажды, когда Крис с Леоном только пришли, она окликнула из кухни:

— Леон, у тебя нет непереносимости каких-то продуктов?

Он непонимающе посмотрел на нее.

— Я имею в виду, ты все ешь? Есть аллергия на что-то?

Он растерялся, став похожим на ребенка, и заверил:

— Нет-нет, насколько я знаю. — Потом обычным тоном добавил: — Я абсолютно всеяден.

— Вот и хорошо.

Он постоял перед ней еще немного в нерешительности, прежде чем пойти вслед за Крисом наверх в его комнату. Задержавшись на лестнице, мельком взглянул на Эллу. Но она уже отвернулась к своим кастрюлям и сковородкам.

* * *

Разложив на темно-серой столешнице покупки, полюбовалась морепродуктами. Начала с морской паэлы. Достала из глубокого ящика тяжелую сковороду с толстым дном. Налила оливкового масла. Сначала выложила кальмара, слегка обжарила, убрала на тарелку. Бросила креветки, чтобы они вслед за кальмаром подарили маслу свой вкус моря. Убрала их со сковороды. Высыпала мелко порезанный чеснок и разноцветные кубики паприки. Покрутила вращающуюся полку со специями. Посыпала приправой для паэлы, которую готовила сама, отметив про себя, что нужно будет сделать еще: в маленькой стеклянной баночке оставалось совсем немного. Подошла к шкафчику, где хранились крупы, нашла упаковку с рисом, на котором было написано *bomba*. Всыпала его к овощам, он зашуршал, словно волны, накатившие на камни. Слегка обжарив, влила воду. Помыла и почистила от бород мидии. Когда жидкость выпарилась, Элла принялась, улавливая карамельный запах, и положила в рис морепродукты.

Кристиан привел Леона. Тот сильно удивился вопросу Эллы, какую именно паэлью хочет.

— Есть несколько?

— Просто Крис не любит морскую, поэтому ему я отдельно приготовила мясную.

— Подождите, я только сейчас заметил. Вы готовите не один ужин на всех, а каждому то, что он любит? — Леон недоверчиво смотрел на нее.

— Ну не всегда, — она почему-то смутилась. — Так тебе какую?

— Обе. Если можно, конечно.

Элла разделила большую тарелку тонкой стрелкой зеленого лука напополам и выложила с одной стороны морскую, с другой — мясную пазелью. Разровняла, получилось красиво, как в каком-нибудь кулинарном журнале. В середину — четвертинку лимона.

Протянула тарелку Леону.

— Возьми еще блюдо.

— Зачем?

— Тебе же надо куда-то складывать панцири и ракушки.

Он продолжал стоять перед ней.

— Вы настолько любите готовить?

— Ну да.

— Почему об этом не знает никто, кроме вас?

Элла беспокойно взглянула на него. Он снова смотрел так, словно пытался в ней что-то разглядеть. Ей захотелось дойти до зеркала, чтобы убедиться в том, что у нее с лицом все в порядке, нет никаких пятен, полос и тушь не осыпалась.

— Я... Слушай, ты меня как-то выбил своим вопросом... Что ты имеешь в виду?

— Элла, я не особый гурман, но то, что уже успел у вас попробовать, наверное, уровня звездного ресторана. Почему вы не заведете какой-нибудь блог кулинарный, не издадите книгу рецептов...

— Ах, это... — успокоилась Элла. — Да... мне говорят... У меня знакомая открывает на днях свое кафе, она предлагала... — Поймав себя на желании оправдываться, резко ответила: — Этим надо заниматься.

— У вас нет на это времени? — не отставал Леон.

— Да, все как-то руки не дойдут.

«Бред какой-то, — подумала про себя. — Какие руки? Куда не дойдут? Почему не дойдут?»

Она злилась на него, на свои ответы, а еще на то, что ощутила себя маленькой девочкой, которая, увидев нового гостя, бежит показать ему свои игрушки. На самом деле ее подмывало рассказать ему, как она любит готовить, как ей нравится экспериментировать на кухне, и она этого совершенно не боится, потому что, читая рецепт, уже представляет его вкус и понимает, как его можно улучшить. У нее есть толстый ежедневник с рецептами, которые она придумала, — похожих в интернете нет, а если и есть, то у ее блюд все равно другой вкус, потому что она умеет добавлять оттенки... Элла откуда-то знала, что Леон стал бы внимательно слушать, слегка наклонив вправо голову и изредка задавая вопросы. Она почувствовала себя глупо в желании увидеть в чужих глазах интерес к тому, чем увлекается. Поэтому быстро смахнула его, как крошки со стола.

— Ты такие вопросы задаешь... — запнулась в поисках слова, чтобы не похвалить, но и не обидеть. — Небанальные.

— Я к психологу долго ходил.

Взяв тарелку, он вышел вслед за Кристианом на террасу. Она смотрела на его спину и небрежно торчащие вихры, как у мальчишки. Потом, словно очнувшись, заспешила в их с Антоном гардеробную к гладильной доске и его костюмам и рубашкам. Элла любила гладить — медитативное успокаивающее занятие, вроде мытья посуды. Но только не костюмы. Ужас сколько времени уходит, чтобы сделать это хорошо. Она в очередной раз покрутила в голове мысль: может, стоит отдавать их в профессиональную глажку и не мучиться? Антон ничего не будет иметь против. Он добрый. У него пунктик только насчет уборки. Не хочет, чтобы кто-то чужой ходил по дому, присутствовал в их пространстве. Поэтому у них нет приходящей уборщицы. И никогда не будет.

Вернувшись на кухню, Элла не смогла сдержать улыбку, увидев тарелку Леона у раковины. Пошла на террасу убрать за сыном, принесла себе чашку чая. Нашла на своих грядках с зеленью мяту; сев за стол, бросила пару листочков в кружку. С удовольствием принохалась, откинувшись на спинку стула и посмотрела на клумбы. На нее внезапно накатила смертельная усталость. Она подумала, что все-таки рано, наверное, вернулась к домашним делам почти в привычном ритме. Надо прилечь. Только сначала быстро цветы полить. Они живые, их жалко. Как назло, последние дни было сухо. Цветы держались бодро, но она-то видела... «Сейчас, мои хорошие, — сказала тюльпанам и кустам пионов, — сейчас я вас полью». Начала раскручивать поливочный шланг с катушки, подошла к крану, торчащему из стены, включила. Что за черт?! Из места соединения между краном и шлангом на землю заметной струйкой текла вода. Элла попробовала поправить, но шланг отскочил, забрызгав платье. Она быстро выключила кран, попыталась приделать шланг снова, но ничего не получалось. Села на корточки, разглядывая резьбу. Может, что-то вылетело? Какая-нибудь деталь? И поэтому шланг не хочет прикручиваться обратно?

— Спасибо, было очень вкусно. Обе паэлы, — поблагодарил появившийся в дверях на террасу Леон. — Я никогда такое не ел.

Она подняла на него глаза и благодарно улыбнулась.

— Пойдем, пойдем, — заторопил его Крис.

— Кристиан, папа здесь? — спросила Элла.

— Мне кажется, он снова уехал, его машины во дворе нет.

— Так, стой. Тогда ты посмотри.

— Что-о-о? — недовольно протянул он.

— Почему я не могу приделать шланг обратно?

— Тебе это сейчас надо?

— Да, мне это надо сейчас, — начала заводиться Элла. — Я до болезни цветы не полила, они, бедные, уже вторую неделю сохнут. Прогноз и дальше такую погоду обещает.

— Инструменты есть у вас? — вмешался Леон. И присел на корточки рядом с Эллой — так, что она услышала едва заметный аромат знакомого парфюма. Напряглась: «Это неприлично близко». Встала, скрывая волнение, скомандовала:

— Крис, принеси из подвала. И там еще должны быть какие-то детали в мешке рядом — и от шланга, и еще что-то.

— Все принеси! — крикнул вдогонку Леон.

Он неторопливо осматривал кран, шланг, трогал, проверял, потом искал что-то в ящике с инструментами. Элла уставилась на его руки. Красивые, с длинными пальцами, аккуратными ногтями. Она вспомнила, как на концерте в пабе он ловко крутил барабанные палочки, а потом указал ими на них с Ким. И подмигнул. Ким, конечно, Ким он подмигнул. Элла продолжала смотреть на его руки, такие мужские и сильные за работой. Леон перехватил ее взгляд, она смутилась и отошла к пионам, делая вид, что выдергивает сорняки. Кристиан болтался рядом без дела и раздражался. Леон прикрутил шланг к крану, включил воду, внимательно наблюдая, не капает ли.

— Ни разу не видела музыканта, который умеет чинить краны, — сказала Элла.

— Так я слесарь по профессии, — ответил он, складывая обратно в чемодан разбросанные на плитках инструменты. Закрыв крышку, быстро выстучал пальцами какой-то ритм. Поднял на Эллу глаза, ожидая реакции.

— Волшебник! — радостно сказала она, взяла в руки шланг и пошла к своим клумбам. Обернувшись, добавила: — Завернуть тебе порцию паэлы с собой?

Получилось неожиданно кокетливо. Внутренне зашипела на себя: «Это что за тон?!»

Глава 8

— Какие у нас планы на завтра? — спросила Элла в пятницу вечером.

— Завтра погода хорошая. Я хочу полетать, — ответил Антон. — Ты ничего не имеешь против, если я возьму Мартина с нами?

— Бери Мартина. А я пойду на кладбище.

Муж криво ухмыльнулся.

— Не обижайся, — сказала как можно мягче. — Я приберусь там, цветы свежие посажу.

— Никак не могу понять, почему ты не хочешь отдать эту работу цветочному магазину? Они присылали предложение. Меня все устроило.

— А почему ты до сих пор не нашел мне помощника? — резко оборвала его Элла, глядя исподлобья, как боксер перед поединком.

Он устало вздохнул:

— Забыл, слушай. — Потом пробормотал: — Все-таки не понимаю, почему ты сама это делаешь.

— У меня есть на это время. Я не работаю. А ты к ней не ходишь.

— Элла, она умерла. Ей все равно.

— Ей все равно, — повторила эхом.

Если Антон собирается встретиться с Мартином, скорее всего, это на весь день. Мартин — бывший пилот, бывший инструктор. Антон когда-то учился с ним летать. Со временем подружился. С Эллой они друг другу симпатизировали. Она была ему интересна как интегрировавшаяся, но все-таки иностранка. А ей Мартин нравился, потому что был простой и легкий. И главное — сочувствовал ее страхам: высоты, летать, пить таблетки, не зная, чем потом обернется их длительный прием. «Антон, да оставь ты свою жену в покое. Пусть она посидит на террасе, выпьет кофе, съест вкусное пирожное. А мы с тобой летаем по-настоящему, а не как любители. Она такое не выдержит». Мартин подмигивал, Элла благодарно улыбалась.

На кладбище в субботу утром выехала пораньше. У нее будет целый день, подаренный ей другом мужа. Значит, вернувшись, сможет все время посвятить просмотру кулинарных передач или роликов от звездных поваров на ютубе. Ее никто не будет дергать, можно спокойно все записать и даже зарисовать подачу. «Мама, почему тебе просто не делать скрины?» — недоумевала Ким, застав ее за этим занятием. «Потому что я старомодна. Я люблю писать рукой и делать рисунки. У меня так придумывается еще что-то свое». Внутри стало щекотно от предвкушения прекрасных часов в одиночестве, только для себя.

Зашла в цветочный рядом с кладбищем. Продавщица — сестра хозяйки магазинчика — приветливо поздоровалась. Она водила пожилую пару покупателей по павильону с садовыми цветами и подбирала растения, наилучшим образом подходящие для их балкона на солнечной стороне. Вопросительно посмотрела на новую посетительницу, Элла сделала знак «все хорошо, я сама разберусь». Купила крупных темно-фиолетовых, ярких желтых и бордовых анютиных глазок. Не смогла удержаться и взяла домой на крыльцо корзину с малиновыми петуниями в белых крапинках, словно на них брызнули краской.

На кладбище было, как обычно, тихо, покойно. Другая, параллельная жизнь, которая течет себе в своем ритме, принимая все новых и новых участников. Элла иногда думала: если бы она не вышла замуж за Антона и с актерской карьерой ничего не получилось, то пошла бы работать в цветочный магазин на заказы по уходу за могилами.

Подойдя к могиле свекрови, скользнула взглядом по памятнику. Ей всегда казались фальшивыми все эти разговоры с надгробиями, что показывают в кино. Даже мысленные. О чем говорить с мертвыми? Тем более о чем говорить, когда столько было сказано при жизни? Но все равно поздоровалась про себя: «Привет, Ингрид».

Принялась срезать засохшие нарциссы и тюльпаны, складывая рядом аккуратной кучкой. Свекровь наблюдала за ней с фотографии на памятнике. С тем же выражением лица, с каким смотрела на нее, пока была жива. И сколько было слез, скандалов и претензий у Эллы к Антону из-за этого выражения лица, с которым свекровь всегда входила в их дом. А стоит перед глазами все время почему-то другое. То, с каким она лежала в хосписе и смотрела на медсестру, приносящую ей морфий.

Элла взяла одну из висевших для общественного пользования леек, сходила за водой. Полила анютины глазки, выкинула мусор, собрала перчатки, маленькую лопатку и грабли. Уходя, обернулась. Ингрид смотрела ей вслед. Как будто мягче, чем обычно.

Идя по аллее, ведущей к выходу с кладбища, Элла вдалеке увидела знакомую фигуру. Леон. Снова почувствовала себя неловко. Особенно после того, как она игриво предложила ему взять паэлы с собой. Он отказался. И ей почудилось, что посмотрел на нее как на чокнутую домохозяйку. Наверное, лучше было бы сейчас прошмыгнуть, чтобы он ее не заметил. Хотя... любопытно, к кому он пришел. Ах да... у него мать недавно умерла. Видимо, Элла слишком долго наблюдала за ним, потому что Леон обернулся. Поднял руку в приветствии и снова отвернулся к могилам.

Так и есть, свежее захоронение рядом с двумя другими. Леон спросил:

— Кого вы навещали?

Опять это «вы». Из молодежи, крутившейся в их доме, он единственный обращался к ней так. Как будто нарочно подчеркивал ее возраст и дистанцию между ними. Эта старомодная вежливость раздражала и нравилась.

— Свекровь.

— Вы ее любили?

Снова вопрос какой-то неудобный, заставляющий или задуматься, или сразу соврать.

— Ты думаешь, для того, чтобы ходить к могилам, нужно обязательно любить тех, кто в них лежит?

— Конечно. Иначе зачем это все? Зачем вообще ставить опознавательный знак, что здесь кто-то лежит.

Элла перевела взгляд на надгробные плиты, перед которыми они стояли.

Пожилая женщина. Бабушка, наверное. И девочка... Господи боже, всего два годика.

Сердце заныло от жалости.

— Это твоя сестра?

— Да.

— Что с ней случилось?

— Она умерла.

Пока Элла придумывала, что сказать, Леон пояснил:

— Мать ехала пьяная за рулем, Эмили была с ней в машине.

Это о чем-то напомнило Элле. Она посмотрела на дату смерти. Ну конечно... Молодая многолетняя мать ругалась по телефону со своим бойфрендом. Солнце слепило глаза. Элла знает этот участок дороги. Там всегда опасно ездить на закате. Маленькая девочка сидела впереди. То ли она была плохо пристегнута, то ли вообще без детского сиденья. Мать не справились с управлением и врезалась в отбойник. Девочка долго была в коме.

Еще она смутно помнила, что тогда был организован сбор пожертвований детям той беспутной матери. Наверное, Леон — второй сын. Говорили, что они все были от разных отцов.

Элла заметила, что он избегает смотреть на нее. Набралась смелости дотронуться до его плеча и тихо сказать:

— Леон, мне очень жаль.

— Мне тоже, — коротко бросил он и пошел к выходу.

Элла стояла в нерешительности, не зная, что делать. Пойти за ним? Окликнуть? Догнать? И, остановив, мучительно подбирать правильные слова, которые ему говорит каждый, узнав его историю?

Он обернулся:

— Вас подвезти?

— Спасибо. Я на машине.

Леон кивнул и пошел дальше. А Элла продолжала вглядываться в лицо маленькой девочки на сером гранитном камне.

В местных СМИ тогда поднялась страшная шумиха на тему, куда смотрят социальные службы, как допустили, что такая мать воспитывала детей, и так далее. В те дни Элла как-то гуляла с совсем еще маленькими Кристианом и Ким по центру города и увидела впереди тележурналистов. Ей захотелось свернуть в проулок, чтобы не попасть в кадр, но Крис выбрался с заднего сиденья двойной коляски и побежал им навстречу — к своей любимой витрине детского магазина, где был выстроен город из кубиков лего. Молоденькая журналистка просияла жадной улыбкой и заспешила в сторону Эллы.

— Вы-то нам и нужны, — радостно сообщила она и, резко погрузнев, соответствующим тоном поинтересовалась, слышала ли Элла о произошедшей трагедии.

Элла оторопело уставилась в объектив камеры на тощем плече оператора. Проямлила, как это ужасно, бросая взгляд то на Крису, то на Ким, которая вслед за братом намеревалась вылезти из коляски. Журналистка спросила еще что-то про ответственность, про права и полномочия, Элла напряженно отвечала, не зная, как от нее отделаться, и, разнервничавшись под конец, широко и глупо улыбнулась в камеру. Телевизионщики поблагодарили ее и, заметив новых прохожих, метнулись на другую сторону улицы. Элла оторвала детей от витрины, усадила в коляску и в мерзком настроении пошла дальше, думая про себя, что если последний кадр не вырежут, то каждый, кто его увидит, будет думать, какая она дура.

Глава 9

«Может, не бегать сегодня?» — глядя на тучи, висевшие над католической церковью, размышляла Элла. Она стояла в саду и пыталась угадать, пойдет дождь или немецкая погода играет свою любимую игру в непредсказуемость. Сейчас увешаю все небо хмурыми тучами и просто попугаю вас, а завтра будет только солнце и ветер, нагоняющий легкие облачка, и вы ни за что не поймете, откуда пошел дождь.

«Нет, надо, надо. Пропущу сегодня, потом завтра, а потом вообще брошу и расползусь во все стороны», — наставляла себя, хотя прекрасно понимала: если она бегаёт уже десять лет, пропуск одного дня не разрушит привычку. Но принятое когда-то решение держать себя в ежовых рукавицах каждый раз в таких ситуациях брало верх.

Дождь все-таки пошел. Неожиданно сильный. Элла спряталась от него в кондитерской. Сначала встала у дверей в надежде, что он быстро прекратится.

— Садитесь за столик, — пригласила знакомая продавщица, — возьмите себе что-нибудь.

— У меня денег с собой нет, — смущенно ответила Элла.

— Я же вас знаю, — с провинциальной доверчивостью удивилась продавщица. — Когда в следующий раз придете, тогда и заплатите.

Элла умилилась, тепло поблагодарила, взяв капучино и воды. Села за столик у окна во всю стену. «Планы нарушены, — с непривычным для таких случаев спокойствием рассуждала про себя. — Весь день насмарку». Рассматривала проезжающие мимо и останавливающиеся на светофоре машины, капли на стекле, вспыхивающие от света фар.

— Доброе утро, — услышала над собой.

Повернулась на голос. Внутренне вздрогнула.

— Переживаете дождь? — спросил Леон, бросив взгляд на ее спортивный костюм. — Можно я с вами присяду?

Она кивнула, хотя предпочла бы, чтобы он сел где-то за другим столиком и они старательно делали бы вид, что не видят друг друга. А потом, уходя, один из них случайно заметил бы другого, чтобы торопливо поздороваться и попрощаться.

— Я только закажу себе поесть. — Он повесил джинсовую куртку на стул и, словно оправдываясь, добавил: — Надо было рано к нотариусу, а я проспал, не успел позавтракать. — Потер пальцами лоб и посмотрел застенчиво, как будто проверяя, не рассердилась ли она.

«Права Ким. В нем и правда есть что-то милое», — украдкой рассматривала его Элла, пока он стоял у кассы. Она выпрямила спину, незаметно провела рукой по шее, проверяя гладкость кожи. После сорока нужно постоянно следить, как наклонить голову, как повернуть, чтобы кожа на шее не смотрелась скомканной тканью. «И что мне в нем кажется таким знакомым? Может, я видела фотографии детей в газетах после той трагедии?»

Леон вернулся за столик со стаканом сока и большим сэндвичем и принялся за еду. Элла чувствовала себя неудобно: вроде надо о чем-то говорить, и непонятно, с какой фразы или вопроса начать. Но вместе с тем ей нравилось незаметно наблюдать, как он вкусно ест.

— Так ты был у нотариуса?

— Да. Мы с братом отписали сестре свои доли в квартире.

— Вот так, совершенно безвозмездно?

— Ну она вроде как должна нам что-то выплатить, — уклончиво ответил он. — Но мы же знаем, что ничего не получим.

Он снова начал с аппетитом жевать. Потом сделал большой глоток сока. Коснулся пальцами столешницы, тихо выстукивая какой-то ритм. Элла зачарованно уставилась на его пальцы. Повисла пауза.

— Да, — вздохнула она, чтобы ее заполнить.

— Да, — согласился Леон. — Я тоже терпеть этого не могу.

— Чего?

— Когда сидишь с человеком, которого плохо знаешь, и надо бы что-то сказать, а ты не можешь придумать тему. И хочется уйти, но это как-то неприлично.

Она смутилась.

— Если вам совсем не о чем со мной говорить, расскажите, какое пирожное вам хочется, и я куплю. Тогда это будет моя забота — придумывать тему для разговора, потому что я уже поел, а вы начнете.

Элле вдруг стало непривычно легко. Как если бы она сидела в наглухо застегнутом узком пиджаке, а Леон своими словами расстегнул половину пуговиц. Она засмеялась.

— Почему ты решил, что я хочу пирожное?

— Вы смотрите мне за спину. Там витрина с ними.

— Но там и выход тоже, — напомнила она.

— Мне приятнее думать, что вы хотите пирожное.

— Пирожное и правда хочу. Но сейчас не буду.

— Отчего же?

— Ну... я вроде как на пробежке. Это неправильно.

Леон посмотрел в окно.

— Мне кажется, пробежка на сегодня закончена. По крайней мере, на ближайший час. Если хотите, я отвезу вас домой. Я на машине.

Элле хотелось отказаться, но она согласилась. Все-таки дела ждут, да и промокнуть до нитки перспектива так себе. У выхода из кафе Леон поднял над собой куртку и пригласил:

— Запрыгивайте под мой «зонт».

Элла удивилась: ей казалось, что это поколение не такое сообразительное, не такое вежливое и внимательное. Она нерешительно смотрела на него.

— Ну что же вы? Иначе промокнете.

Они бежали несколько метров до машины, прячась под его курткой от проливного дождя. И в этот самый момент она снова ощутила себя совсем девчонкой. Первокурсницей. Хотелось прыгать по лужам и обрызгать его и себя. И испытать от этого восторг юности и свободы. Сев в машину, не выдержала и радостно сказала:

— Давно так не бегала под дождем.

— Можем побежать до вашего дома, — пошутил Леон.

— Ну нет уж. Поехали.

Элла украдкой огляделась. Одометр показывал больше двухсот тысяч наезженных километров. На заднем сиденье небольшая картонная коробка, какие-то диски, темный пиджак. «Для нотариуса, наверное». Ливень разошелся так, что дворники на лобовом стекле перестали справляться с потоком воды.

— Никогда такого не видела, никогда в жизни, — нервно забормотала она.

— Я тоже, — ответил Леон, крепче сжав руль, когда их обдало очередной волной от медленно проехавшей навстречу машины.

— Леон, — еще больше разнервничавшись, сказала Элла, — сверни куда-нибудь, переждем. Это становится страшно и опасно.

Он свернул в проулок рядом с пустующим участком с торчащими из травы табличками: «Частное владение. Вход запрещен», заглушил мотор, прибавил у радио звук.

«А теперь-то о чем разговаривать?» — снова напряглась Элла.

Словно услышав ее мысли, Леон начал болтать про музыку. Стало приятно оттого, что он взял инициативу в свои руки. И даже если он сейчас замолчит, можно будет задать пару вопросов, продолжающих тему. Ну что-то вроде: «А нравится ли тебе то, что играет Кристиан с ребя-

тами? На чем, кроме барабанов, ты еще умеешь играть? И да, как долго ты еще пробудешь в городе?..» А там это светопреставление наконец закончится. Когда-нибудь ведь должно закончиться, и он отвезет ее домой. Зазвучала популярная песня. Леон сказал, что ее поет не совсем женщина — или, вернее, совсем не женщина. Элла, не разделяющая европейской моды на толерантность, доходящую до абсурда, подхватила тему. Но с осторожным юмором, а то, кто знает эту молодежь, решит еще, что у нее крайне консервативные взгляды, и какая-нибудь резко сказанная ею фраза навредит или детям, или, чего доброго, мужу. Но Леон забавно иронизировал, что сейчас часто непонятно по голосу, кто поет — мальчик или девочка. И даже по внешнему виду исполнителя это иногда трудно понять, а уж определить, кто ему нравится, мальчики или девочки, вообще не представляется возможным. Элла совсем расслабилась, засмеялась и зачем-то спросила: «Ну а тебе кто нравится? Мальчики или девочки?»

Леон смотрел на нее пару секунд, словно раздумывая, что ответить, а потом неожиданно наклонился и поцеловал. Она ошарашенно отпрянула от него, лихорадочно соображая, как реагировать. Дать пощечину как-то уж совсем мелодраматично.

— Ш-ш-ш-ш-ш, — произнес Леон, словно успокаивая ребенка. Ласково потянул к себе и поцеловал снова.

Элла резко вырвалась.

— Больше никогда... — возмущенно сказала она громким шепотом, хотела что-то добавить, но не смогла придумать, что именно. Буркнула: — Черт знает что!

Рывком открыла дверь и выскочила из машины. Натянула на голову капюшон ветровки и быстро пошла под дождем. Леон смотрел ей вслед, облокотившись на руль, пока она не исчезла из вида.

Прибывав домой, нервно стаскивая с себя мокрую одежду, повторяла про себя: «Господи, сделай так, чтобы никто не видел. Это же какой позор... позорище, целоваться с мальчишкой... с каким-то сопляком в машине... наглость какая». Надела платье-рубашку, ткань была теплой и мягкой, завязала пояс. Уже более спокойно рассудила: «Нет, я не целовалась. Это он меня поцеловал. А я убежала. Все правильно. Я испугалась и убежала».

Потом она занималась привычной рутинной, разве что значительно быстрее, чем обычно, словно произошедшее придало ей сил и бодрости. И этот темп, будто в лихорадке, позволял не думать о случившемся, а еще о том, как в кондитерской она то и дело бросала взгляд на выемку между ключицами, которая была видна из-за двух расстегнутых верхних пуговиц его светлой рубашки.

Вечером зашла в кабинет к сидящему над бумагами Антону. Присела на подлокотник черного кожаного кресла, обняла, прижалась щекой к виску. Он улыбнулся и машинально погладил ее по бедру. Продолжил читать. Элла посмотрела на его затылок с редующими волосами. Хотела что-то сказать, но по тому, как он едва уловимо повел плечами, словно пытаясь стряхнуть ее руку, поняла, что ему некогда. Она и сама не понимала, чего хотела. Зачем пришла? Ему же не расскажешь... Вздохнула, виновато прижалась, поцеловала в макушку и вышла.

Постучалась в комнату Кристиана. Он писал что-то в большой тетради, низко над ней склонившись.

— Дорогой, что ты делаешь? — спросила просто, чтобы убедиться, что Леон ничего ему не сказал.

— Уроки учу, — пробурчал он.

— Ты хорошо видишь? Ты так низко склонился.

«Пусть он на меня посмотрит, чтобы я точно успокоилась». Подошла, потрепала по волосам, нагнулась посмотреть, что он пишет.

— Нет? — улыбнулась, заглядывая в глаза. Словно он — большой, а она — маленькая.

— Элла, хорошо все. Успокойся, — повернувшись к ней, ответил сын.

В последний год он начал иногда называть ее по имени. С насмешливой снисходительностью в голосе. Обычно это было признаком хорошего настроения.

* * *

Через несколько дней Леон приехал вместе с Кристианом, но в дом не зашел. Элла и не узнала бы об этом, но Крис крикнул что-то из прихожей, и с улицы ответил знакомый голос. Она почувствовала облегчение, но внутри неприятно кольнуло.

В другой раз Леон пришел вместе с другими. Она сначала спряталась, чтобы не столкнуться с ним, а затем быстро уехала, выдумав какую-то причину. Со временем все как будто бы забылось, он начал снова оставаться допоздна и ужинать. Элле иногда казалось, что он за ней наблюдает. Внутри обдавало приятным холодком, и становилось страшно сделать неловкое движение. Она оборачивалась и разочарованно отмечала про себя, что Леон на нее не смотрит. Выходила на террасу, где либо пила кофе и читала, стараясь не сутулиться, либо шла к своим цветам. Рвала сорняки, подвязывала пионы, розы, подкармливала гортензии и ненавидела себя... за то, что обратила внимание на парня, который на полжизни моложе.

Однажды после обеда она привычно возилась в саду, когда Леон вышел на террасу.

— Красивые цветы.

Элла испуганно обернулась. Он сел за стол, у самого дверного проема, и лениво пояснил:

— Крису позвонила какая-то девчонка. Мне показалось, что он хочет с ней поговорить без меня в комнате.

— Какая деликатность, — усмехнулась Элла.

— Вы не угостите меня кофе?

Сняв садовые перчатки, нарочито небрежно бросила их на траву. Проходя мимо, задела широкой юбкой колена Леона. Он неожиданно схватил ее за руку. Элла онемела, потом резко дернулась и шикнула:

— С ума сошел!

Он сжал ее руку крепче, поднес к губам и поцеловал, не отрывая взгляда от ее лица. Она закрутила головой и противным фальцетом закричала:

— Кристиан!

Вырвала руку, взлетела по лестнице на второй этаж. Сын как раз выходил из своей комнаты.

— Где Леон?

— Ждет тебя на террасе. Дорогой, вы не могли бы с ним сейчас съездить купить соли.

— У тебя... нет соли? — недоверчиво спросил Крис.

— Розовая закончилась, а она мне сегодня очень нужна.

— Ну ладно... — неуверенно сказал он. — Сбрось фото, как выглядит.

Элла стояла в окружении столешниц своей идеальной открытой кухни, ощущая себя словно за баррикадами. Заметила, как Леон ухмыльнулся в пол. Когда за ними захлопнулась дверь, она бестолково заметалась. Войдя в спальню, упала лицом в подушки, потом перевернулась на спину и рассмеялась.

Глава 10

— Антон, ну я же тебя предупреждала! Несколько раз причем! — начиная краснеть, выговаривала Элла в трубку. — Ну как ты мог забыть?!

Он оправдывался и извинялся. После спросил, где это и до скольки все мероприятие.

— Если я не поздно закончу, то приеду.

— Ты не приедешь, — горько ответила Элла и нажала отбой.

Постояла в задумчивости в гардеробной. «К черту весь этот твой любимый женственный стиль, Антон», — мстительно решила она. Поднялась в комнату дочери, открыла шкаф. Вынула из одной аккуратной стопки рваные шорты, из другой — короткий топ. Приложила к себе, глядя в зеркало, решила, что она, конечно, очень злится на мужа, но это будет чересчур. Фигура позволяет, да вот возраст уже не тот. И что скажет Антон, когда она в таком виде явится домой? Вернулась в гардеробную. Достала легкие светло-голубые джинсы и белую майку. Подумав, что так будет слишком просто, взяла белый пиджак. Неприязненно оглядела босоножки с серебристыми ремешками на высоком каблуке, вздохнула и все-таки влезла в них.

У кафе, которое открывала Вероника, было празднично от гирлянд из воздушных шаров, высоких столов с белыми скатертями, нарядных людей и то и дело стреляющих пробок шампанского. Элла облегченно выдохнула, сразу заметив в толпе пару знакомых, к которым можно было прилепиться и поболтать о кафе, об открытии и ни о чем.

Вероника была в брючном костюме, который делал ее больше похожей на финансового консультанта, чем на хозяйку уютного кафе. Срывающимся от переполнявших ее чувств голосом она поблагодарила всех пришедших и перерезала ленточку. Элла вместе с остальными умилилась и похлопала. Внутри кафе было душно, пахло едой и выдыхающимся алкоголем. Элла рассматривала черную матовую посуду на белых скатертях, смотревшуюся очень по-офисному. Если бы она здесь работала, то оживила бы строгие столики веселыми салфетками, маленькими вазочками со стебельками лаванды. На стены повесила бы картины, а еще лучше — стильные фотографии. Элегантный шкаф с посудой тоже можно сделать интереснее. Например, покрасить заднюю стенку в цвет занавесок, тогда чашки и блюда в нем станут заметными. Элла поймала себя на ощущении, что ей показывают фильм, частью которого она могла бы стать. Причем блестяще сыграть в нем одну из главных ролей.

Смущенно улыбаясь, она протискивалась между гостями в сторону кухни.

— Ну как тебе? — подошла к ней Вероника.

— Грандиозно.

— Не передумала?

Элла замялась.

— Пойдем, покажу тебе кухню и с Паулем познакомлю.

— Тебе, наверное, некогда...

— Элла, я хочу, чтобы у меня работали люди, в которых я уверена и которым могу доверять. Ты как раз из таких. И мне выгоднее потратить время сейчас, соблазняя тебя на работу, чем месяцы искать и пробовать чужих.

— Ты прямо как бизнес-леди рассуждаешь.

— Так я и есть теперь бизнес-леди.

Внутри неприятно кольнуло. Зависть? Они были знакомы десять лет. Вероника начала когда-то готовить у себя на кухне на детские дни рождения мамочкам, живущим по соседству, потом зарегистрировалась как кейтеринговая фирма, а потом решила, что пришло время осуществить мечту и стать хозяйкой собственного кафе.

Кухня была новенькая, с иголки. Элла подошла к столешнице, провела рукой по прохладной поверхности. Отчаянно, до дрожи захотелось творить в этом блестящем металлом

пространстве. Заинтересованно оглядела креманки, в которых, словно лепестки цветов, на соусе расположились тигровые креветки.

На кухню вернулся шеф-повар. Он выглядел измотанным, хотя старался напустить на себя невозмутимый вид. От него пахло свежевыкуренной сигаретой, а надпись «шеф» на кармане поварского кителя была испачкана пеплом. Вероника протянула Элле креманку. Попробовав, та начала расхваливать соус, прикидываясь, что не может понять, какой именно компонент придает ему необычные нотки. Шеф потеплел: все дело в коньяке, которого он добавляет чуть больше, чем принято. Элла попросила разрешения посмотреть, как он будет работать. Она не будет мешать, только наблюдать. Увидев ножи Güde, восхищенно зацокала языком.

— Удобные?

— Хочешь попробовать?

Элла погладила гладкое дерево ручки, осторожно провела пальцем по лезвию.

— Может, нужно что-то порезать?

Пауль усмехнулся, положил перед ней небольшой кусок филе тунца.

— На тартар.

Элла начала резать слегка отдающее в лиловый мясо небольшими кубиками. Хотелось сопеть от удовольствия. Останавливало лишь то, что за спиной стоял Пауль.

— Ну как? — спросил он горделиво, словно ножи были его творением.

— Бесподобные ощущения.

Он взял пальцами крошечный квадратик рыбы, одобрительно кивнул. Элла благодарно улыбнулась. Потом Пауль разложил приготовленный им тартар по тарелкам с помощью металлического кольца и украсил листиками кресс-салата. Вместе с официантками пошел разносить гостям. Она смотрела ему вслед и чувствовала, как желание стать частью этого маленького уютного мира отступает в клетку годами устоявшегося графика и страха поменять что-то в жизни.

Элла вернулась в зал, нашла свежеиспеченную хозяйку, чтобы попрощаться. Вероника от суеты, эмоций и окружавших ее людей, казалось, не заметила ни ее извинений, ни раннего ухода. Элла замешкалась пару секунд рядом с ней, сама не понимая, в ожидании чего; направляясь к дверям, с сожалением помахала оставшимся на ужин знакомым. Села в машину. Домой не хотелось, поэтому она поехала в центр.

Город, который она так и не смогла полюбить, дышал ласковым теплом и вечерней романтикой. Элла несла пиджак в руках, сосредоточенно глядя под ноги и размышляя о том, каким мог бы быть этот вечер, если бы она решила работать у Вероники. «Мы можем сделать дни твоего авторского меню или завтраки. Я тут хозяйка, могу себе все позволить. Ну неужели тебе неинтересно выйти на новый уровень? Попробовать творить не только на своей кухне», — соблазняла подруга. Перспектива покончить со статусом домохозяйки вдохновляла. И Элла согласилась хотя бы подумать над предложением. Но мысли о том, что нужно будет полностью перестраивать свой график и налаженный, как хорошие часы, быт, тянули вниз, как те раки в ведре, не дающие одному из них выбраться наружу. И ведь нужно будет поговорить с Антоном. Как он среагирует на ее намерение работать на кухне в кафе? Вот если бы она пошла к нему в фирму каким-нибудь бухгалтером, или кем там еще он ее у себя видел... Но нет, она вдруг идет работать куда-то поваром — почему? Зачем? При их-то достатке. Он может воспринять это как выпад против него.

Но было приятно, что, так и не уговорив, Вероника сказала: «Я буду рада, если ты передумаешь. Очень надеюсь, что ты все-таки передумаешь».

Элла почувствовала чей-то взгляд. Покрутив головой, увидела на одной из переполненных веранд кафе Леона с каким-то парнем и девушкой. Он приветливо помахал ей рукой, она ответила. Прошла несколько шагов, зачем-то остановилась у витрины ювелирного магазина и начала равнодушно разглядывать баснословные ценники. Увидела в отражении приближаю-

щегося к ней Леона в белой майке и светло-голубых джинсах. Сердце забилось где-то в животе, стало радостно, как в юности, и одновременно страшно.

— Партнер-лук, — подмигнул он, переводя взгляд с нее на себя.

Она придумывала, какой выбрать тон для общения.

— Гуляешь?

— Да, немного. Иду с открытия кафе, в котором меня приглашали работать. Выгуливаю бокал выпитого шампанского. — Она посмотрела ему за спину, туда, где сидели его спутники.
— Иди, тебя ждут.

— Постой тут минуту.

Он вернулся за столик, наклонился к девушке, поцеловал ее в щеку, обнялся с парнем. И направился снова к Элле.

— Что это значит? — спросила она.

— Это значит, что я тоже хочу прогуляться. Ты не против?

— А за столиком кто?

— Мой брат и его девушка. Он уезжает сегодня в Данию.

— Надолго?

— На несколько месяцев, по работе.

— Слушай, это неудобно. Возвращайся к ним.

— Я уже проводил его и простился. К тому же я остаюсь охранять его квартиру.

— Охранять, — улыбнулась Элла. — И он будет тебе за это платить?

— Да. Вернее, нет. Я буду для него немного работать. Он у нас умный, а я талантливый.

— Слесарь, — засмеялась Элла.

— Я пошутил тогда. Но я правда работаю руками. Технику всякую чиню вроде планшетов и телефонов.

— Ты начал говорить мне «ты».

— Сам не знаю, что на меня нашло с этим выканьем.

— Да, было непривычно.

— Зато ты обратила на меня внимание.

Она покосилась укоризненно, чтобы заметил и перестал вовлекать ее в свою странную игру.

* * *

— Извини за бардак, — сказал Леон, пропуская ее в узкий коридор. — Я собирался вечером прибраться.

«Врешь, — хмыкнула про себя. — Надо быть психом, чтобы в такой вечер захотеть прибраться. Наверняка в планах было тусить до утра в компании девиц с модными верблужьими ресницами». Но она ответила как можно беспечнее:

— Ничего. Я же иногда захожу к Крису.

Элла прошла в комнату. Господи, со студенческих времен не бывала в таких. Ее охватила ностальгия. И так захотелось снова стать молодой, свободной — и чтоб вся жизнь впереди... Крохотная кухня. Столешница устроена чуть ли не на стиральной машине. В комнате большая кровать, наспех укрытая клетчатым пледом, рядом узкая гостевая — видимо, на ней спит Леон. Стойка с тремя гитарами. Колонки. В углу у стены синтезатор. Какой-то пульт на столе. Компьютер, похоже, что очень дорогой. Коробки — наверное, с работой Леона. Два стула. Крутящееся кресло. Телевизор. Удивительно увидеть его в квартире молодого парня. Элле казалось, что это поколение смотрит только в свои гаджеты.

Она подошла к большому окну. С высоты десятого этажа ее одиноко стоящая на парковке у супермаркета «ауди» выглядела совсем крошкой. Если кто-то из знакомых будет проезжать

мимо, ее обязательно заметят. Если, если кто-то, если что-то... Тревожные мысли загудели в голове, словно пчелы. И Элле — наверное, впервые в жизни — в этой, такой похожей на ее юность квартире удалось от них отмахнуться. Как надоело, господи, как же надоело жить в этом вечном беспокойстве оступиться и сделать что-то не так.

Она посмотрела на две серые башни средневековой крепости в Старом городе. А вон там, на розовом от заката горизонте, их район. Двадцать лет назад одна улица с пятью домами, а теперь целый квартал белых аккуратных домиков с идеальными газонами. Дальше — город, в котором Крис и Ким ходили в гимназию, за ним следующий, за ним еще один и еще... Поля, изрезанные четкими линиями дорог. Сплошная предсказуемость и порядок. Вон там, рядом с лесом, конюшня, где Ким занималась верховой ездой... Элла возила ее туда несколько лет, но так и осталась чужой всем женщинам, работавшим на конном дворе, и мамам, которые по наследству передали увлечение лошадьми своим детям. Да... Вид из окна в этой квартирке прекрасен. Наверняка обходится брату Леона в лишние пятьдесят евро к аренде, а то и в сотню. В ванной зашумела вода. Щелкнул замок, и Леон прошел на кухню.

Зачем она здесь? Надо было просто высадить его у подъезда и ехать домой. Но он посмотрел незнакомым щенячьим взглядом, таким трогательным.

— Что ты будешь пить? Кофе? — громко спросил из кухни Леон.

— Уже поздно для кофе! — крикнула она в ответ.

— В холодильнике есть пиво.

— Я не люблю.

— И даже шампанское, — не унимался он, потом пробормотал себе под нос: — Откуда оно тут взялось? Так кстати.

— Хорошо. Один глоток. — Она продолжала рассматривать новый район, пытаясь найти свой дом.

Хлопнула дверца холодильника, зазвенели бокалы. Элла ждала, что сейчас раздастся праздничный звук разливаемого шампанского. Но вместо этого Леон тихо вошел в комнату и остановился сзади так близко, что она почувствовала спиной его тело.

— Ты ведь не шампанского выпить зашла? — чуть слышно спросил он.

Она замерла, не понимая, что делать. Что она должна сейчас, черт побери, сделать? Засмеяться, свести все к шутке, не принять его близость, от которой ее ударило как электрическим разрядом. Элла, сведи все к шутке. Или схвати сумку, быстро скажи «мне пора» и бегом вниз по лестнице, чтобы сердце, которое, кажется, перестало работать, снова начало качать по венам кровь. Но она застыла, не решаясь сделать ни вдох, ни выдох, пока он не развернул ее к себе. Время замедлилось, как при падении. Секунда показалась минутой, прежде чем он ее поцеловал. Его губы были мягкими, прохладными и пахли мятой. У нее дрогнули колени, она неловко отпрянула и упала бы, но Леон подхватил ее, прижал к себе с подростковой неуклюжей нежностью. И в этот самый момент Элле стало понятно, что все к этому и шло. С самого начала. С тех пор, как он появился у них в доме. Все события последних пары месяцев вели к тому, чтобы она оказалась в смятой постели его брата. Чей-то голос внутри закричал откуда-то издалека, как во сне: «Что ты делаешь?!» Но она уже обхватила его упругие плечи, запустила пальцы в густые волосы, до которых ей уже, оказывается, так давно хотелось дотронуться. И она никогда никого так не хотела, как его сейчас. Никогда. Даже если бы сейчас кто-то вошел, она не смогла бы от него оторваться. Ведь и ее вот так, безудержно отдавая себя полностью, тоже никто никогда не любил.

А потом она пришла в себя. «Господи, пожалуйста, сделай так, чтобы это была моя эротическая фантазия, — взмолилась про себя Элла. Она даже зажмурилась посильнее. — Господи, сделай чудо. Один раз для меня. Пожалуйста. И я поверю, что ты есть. И буду в церковь ходить. Честное слово. Каждое воскресенье. К десяти утра». Она снова открыла глаза. Чуда не случилось. Рядом лежал Леон, двадцатипятилетний приятель ее сына. Она вспомнила об Антоне. Он

уже, наверное, давно дома и недоумевает, где пропадает жена. Дети... Как теперь выпутаться из этого? Если бы она напилась до беспамятства, было бы хоть какое-то оправдание.

Элла осторожно зашевелилась, боясь посмотреть в сторону Леона. «Лучше молчи. То, что ты сейчас скажешь, может убить меня окончательно. Нет... скажи что-нибудь, что поможет мне сохранить остатки самоуважения». Она завозилась активнее, по-прежнему избегая смотреть на него. Увидела на кресле свои джинсы — значит, майка тоже где-то рядом. Осталось найти нижнее белье. Слегка приподняв одеяло, нащупала ногами свои трусы.

— Что ты ищешь? — спросил Леон.

— Я... мне уходить нужно, — промямлила Элла и решила наконец взглянуть на него.

«Господи, кошмар какой!», — снова ужаснулась про себя. Вблизи он выглядел совсем юным. Волосы торчат в разные стороны, грудь гладкая, лишь узкая полоска редких волос посередине, такой домашний, совсем мальчик...

«Если он расскажет Крису... — ужаснулась она. — Ким!» Ее бросило в жар. Торопливо натянув трусы под одеялом, подобрала майку с пола, выскользнула в ванную... Больше всего хотелось сесть на пол и тихонько заскулить от стыда и страха, что теперь будет. Глубокий вдо-о-ох и вы-ы-ы-ыдох. «Элла, возьми себя в руки. А еще вспомни, что ты пусть и не состоявшаяся, но актриса, иди и сыграй что-нибудь подходящее ситуации. Давай, импровизируй».

Она посмотрела в зеркало, опасаясь увидеть нечто с осыпавшейся тушью, помятым лицом и всклокоченными волосами. Но в нем отражалась вполне привлекательная женщина. Такая свежая и интересная, что Элла невольно вспомнила фразу о молодых любовниках, наличие которых украшает.

Но губы... распухшие от поцелуев... Она совсем забыла, как это бывает. Антон не любит целоваться, особенно в последние годы, лишь в начале прелюдии пару раз, вроде как положено... Элла вспомнила, как целовал ее сейчас Леон, ощутила сладкое скручивание внизу живота, испугалась сама себя.

«Уйти-то мне сейчас как? Что сказать?»

«Поблагодари за прекрасно проведенное время», — весело хихикнуло что-то внутри.

Подержав руку под ледяной водой, приложила ее к горящим губам. Вроде получше. Вышла из ванной. Леон все так же лежал в кровати и мечтательно смотрел в окно. Он выглядел довольным собой, этим моментом, ее присутствием. Элле даже на мгновение захотелось снова раздеться, лечь рядом и смотреть в окно вместе. Ни о чем не думать и не тревожиться. А потом включить телевизор, лениво целоваться опухшими губами и заснуть под бормотание какого-нибудь дурацкого фильма.

Он посмотрел на нее, слегка приподнял брови, отчего у него на лбу обозначились две морщины, спросил:

— Ты уже уходишь?

Бежать отсюда. Спасаться. Заметать следы. Она натягивала джинсы, стараясь сохранять спокойный вид.

— Да. Мне пора. — С пиджаком в руках развернулась к нему и сделала строгое лицо. — Леон, я знаю, что ты и сам все понимаешь, но хочу тебя попросить...

— Я никому не скажу, — перебил он и снова уставился в окно.

Ее это задело. Равнодушие задело. А что ты хотела? Хорошо хоть презрения в его голосе не услышала.

— Пока, — холодно сказала Элла.

Он повернул голову и попросил:

— Оставь свой номер.

Она обмерла, смутилась, как девчонка, но потом вспомнила, что уже зрелая женщина, и хотела ответить твердое «нет». Но Леон взял с прикроватного столика смартфон, приготовившись записывать, и Элла почему-то продиктовала свой номер. Он позвонил. Достав айфон

из сумки, сбросила звонок, запоминая четыре последние цифры. Он улыбнулся с удовлетворением кота, загнавшего мышь в ловушку. Став снова привычно дерзким. Она попробовала себя успокоить тем, что всегда сможет его заблокировать.

— Только в вотсап не пиши, — предупредила она.

— Почему?

— У тебя в профиле на аватарке наверняка твоя фотография.

— Нет.

— Все равно не надо.

Глава 11

Элла подъехала к дому. В гараже стоял похожий на своенравного зверя, подчиняющегося только своему хозяину, «порше» Антона. Она аккуратно припарковалась рядом, заглушила мотор, взялась за ручку двери. «Нет. Не могу сейчас. Мне нужно... Господи, помоги мне... сделай так, чтобы никто не узнал...» Глядя в белую стену гаража, представила, как сейчас впервые в жизни будет врать Антону. Только вместо того, чтобы спастись и придумать, что говорить, крутила в голове совсем не те мысли. «Я всегда буду любить тебя», — твердила она в начале их отношений. «Если бы я не встретила тебя, не знаю, что бы со мной было», — сколько раз повторила уже эту фразу за годы их совместной жизни. «Лучше бы я умерла», — подумала она сейчас. Стыд разрастался, поглощая ее, не давал дышать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.